

Соперничество вокруг Шелкового пути в Центральной Азии

Доклад по Европе и Центральной Азии № 245 | 27 июля 2017 г.

Перевод с английского языка

Штаб-квартира
Международной кризисной группы
Avenue Louise 149 • 1050 Brussels, Belgium
Тел.: +32 2 502 90 38 • Факс: +32 2 502 50 38
brussels@crisisgroup.org

Предотвращение войны. Выстраивание мира.

Оглавление

Краткое содержание	i
I. Введение	1
II. Китайская инициатива «Пояс и путь». «Экономический пояс Шелкового пути» .	2
А. План «Экономического пояса Шелкового пути»	6
В. Сложности на Шелковом пути	13
1. Антикитайские настроения	13
2. Коррупция и государственное управление	16
III. Россия и Евразийский экономический союз.....	19
А. ЕАЭС и сотрудничество в Центральной Азии	19
В. Расширение Евразии?	22
IV. Сотрудничество и конкуренция.....	25
А. ЭПШП и ЕАЭС.....	26
В. Роль Запада?.....	29
V. Заключение	32
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А. Карта Центральной Азии.....	34
В. Страны ЕАЭС на карте	35
С. О Международной кризисной группе.....	36
Д. Доклады и брифинги по Европе и Центральной Азии с 2014 г	37
Е. Правление Международной кризисной группы.....	38

Краткое содержание

Две новые региональные инициативы потенциально способны изменить политический пейзаж Центральной Азии. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), запущенный председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году, обещает миллиарды долларов инвестиций в транспорт и промышленность, а также концепцию свободной торговли в регионе. Возглавляемый Россией Евразийский экономический союз (ЕАЭС), учрежденный в 2015 году, создает таможенный союз между постсоветскими государствами, чья экономика ориентирована на Москву. Россия и Китай преследуют разные цели, но обе страны выражают готовность к политическому и экономическому сотрудничеству. В рамках своих инициатив они предлагают инвестиции и расширение сотрудничества в регионе, испытывающем экономические и политические трудности. Однако при плохом исполнении эти инициативы способны поощрить и закрепить такие модели поведения на местах, которые могут привести к нестабильности и конфликтам.

Реализуя ЭПШП, Китай хочет открыть сухопутные торговые маршруты через свои протяженные периферийные районы и создать зону безопасности вокруг беспокойного региона Синьцзян на западе страны. ЭПШП представляет собой, скорее, зонтичную концепцию, а не четкий перечень проектов. Первый этап включает в себя миллиарды долларов инвестиций в строительство железной и автомобильной дороги, которая свяжет Китай с Центральной Азией, а через нее — с Ираном, Россией, Кавказом, Турцией и Европой. Китай стремится уменьшить физические, технические и политические торговые барьеры, так как в долгосрочной перспективе преследует цель заключить соглашение о свободной торговле в регионе. Более бедные страны, такие как Таджикистан и Кыргызстан, рассчитывают получить инвестиции в сельское хозяйство и промышленность, которые подстегнули бы рост их экономик. У планов Китая есть также стратегическая и идеологическая составляющая, заключающаяся в желании расширить политическое влияние Китая и продвигать модель развития, в которой ведущая роль отводится государству. В случае успеха это может стать первым шагом на пути к новому типу миропорядка, где лидером будет Китай.

Однако есть серьезные препятствия к осуществлению планов Китая, которые очень уязвимы с политической точки зрения. Хотя центральноазиатские элиты приветствуют приток финансирования, китайские инвесторы часто сталкиваются с подозрительностью и ксенофобией со стороны местного населения. В Казахстане слухи о сдаче земли в долгосрочную аренду китайским инвесторам привели к протестам в мае 2016 года. Подрыв смертником автомобиля на территории китайского посольства в Бишкеке в августе 2016 года заставил Пекин задуматься об уязвимости с точки зрения безопасности. Многие из инвестиционных сделок ничего не дают населению в целом и сопровождаются обвинениями в коррупции в высших эшелонах власти. Есть также опасения по поводу экологии региона, куда Китай выводит грязные производства. Такое сочетание национализма, раздражения

по поводу коррупции и загрязнения окружающей среды может породить в Центральной Азии антикитайские — и антиправительственные — настроения.

ЭПШП бросает вызов России, которая, в свою очередь, пытается нарастить собственное влияние в регионе, выстраивая свои институты. В мае 2014 года Россия, Беларусь и Казахстан объединились в ЕАЭС, модель которого отдаленно напоминает ЕС. В 2015 году к ним присоединились Кыргызстан и Армения. ЕАЭС ставит перед собой цель свободного передвижения товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала внутри своих границ с введением внешнеторговых тарифов на импорт. Тем не менее обещанная экономическая интеграция в ЕАЭС идет медленно. С 2015 года торговля между членами сократилась и в натуральном, и в денежном выражении из-за девальвации рубля, хотя в 2017 году наметился некоторый рост. Существуют и политические ограничения. Узбекистан и Туркменистан ясно дают понять, что не собираются вступать в ЕАЭС, и также отказываются от членства в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которую возглавляет Россия. Тем не менее РФ остается ключевым партнером для центральноазиатских стран. По своему глубокому и многоуровневому политическому, социальному и культурному влиянию в Центральной Азии она сейчас превосходит Китай.

Россия и Китай выразили готовность к сотрудничеству между ЕАЭС и ЭПШП. Москва продвигает идею «Большой Евразии» — туманного проекта, который связал бы Китай, Россию и Центральную Азию в новый политико-экономический блок. Она считает сотрудничество с Китаем неотъемлемой его частью. Однако назревает фундаментальное противоречие между ориентированным внутрь таможенным союзом ЕАЭС и стремлением Китая к свободной торговле в регионе и с Европой. Более того, у каждого из центральноазиатских государств есть собственная повестка, и преодолеть препятствия к региональной торговле будет непросто. Так, Казахстан крайне озабочен сохранением сильных связей с Западом, чтобы сбалансировать отношения с Россией и Китаем. А Узбекистан, несмотря на демонстрируемое стремление улучшить отношения с соседями, по-прежнему ограничивает свободу торговли через свои границы.

Одним из самых тревожных аспектов является то, что эти конкурирующие проекты очень мало затрагивают такие вопросы, как верховенство права, благосостояние людей, здравоохранение, образование и защита окружающей среды. Скорее всего, они не будут подталкивать страны к необходимым политическим и институциональным реформам, без которых правительствам государств Центральной Азии так и не удастся добиться устойчивости и справиться с изменениями в обществе и внешними вызовами. Для стран Запада эти инициативы — сигнал, что их вытесняют из региона. Европейскому союзу (ЕС), США и международным финансовым институтам стоит рассмотреть пути сотрудничества с обеими инициативами и использовать это для продвижения идеи ответственного государственного управления, а также экологических и трудовых стандартов.

Бишкек/Гонконг/Брюссель, 27 июля 2017 г.

Соперничество вокруг Шелкового пути в Центральной Азии

I. Введение

В докладе анализируется значение ЭПШП и ЕАЭС с точки зрения их воздействия на экономическое развитие, политическую стабильность и безопасность в регионе, а также их возможного влияния на сложную геополитическую ситуацию в Центральной Азии. Это второй из трех докладов, где рассказывается о том, как Центральной Азии приходится выбирать между могущественными экономическими и политическими акторами, какие последствия могут быть для мира, безопасности и развития в регионе и каковы национальные траектории каждой из независимых республик. Исследования проводились в Москве, Бишкеке, Астане, Уральске, Атырау, Пекине, Шанхае, Гонконге и Лондоне.

II. Китайская инициатива «Пояс и путь». «Экономический пояс Шелкового пути»

«Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) — крупнейший сухопутный компонент китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП). В рамках этой чрезвычайно амбициозной программы планируется инвестировать 1 триллион долларов США в создание новой транспортной и торговой инфраструктуры между Китаем и остальным миром¹. Покойный У Цзяньминь — тогдашний член Консультативного комитета по внешней политике при Министерстве иностранных дел и член правления Кризисной группы — называл «Пояс и путь» «самой важной и далекоидущей инициативой, которую когда-либо предлагал Китай»². Инициатива «Пояс и путь» затрагивает более 60 стран в рамках двух магистральных направлений: «Морской Шелковый путь»³ вдоль китайских морских путей и ЭПШП, призванный улучшить связанность сухопутных евразийских маршрутов с Европой. Центральная Азия чрезвычайно важна для успеха этого начинания⁴.

¹ Раньше инициатива называлась «Один пояс — один путь», однако по политическим соображениям название изменили. Она была официально включена в стратегию национального экономического развития Китая Постановлением Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ (принято на 3-м пленуме ЦК 18-го созыва 12 ноября 2013 года). В нем говорилось: «Мы будем учреждать ориентированные на развитие финансовые институты, ускорять создание инфраструктуры, соединяющей Китай с соседними странами и регионами, и напряженно работать над строительством „Экономического пояса Шелкового пути“ и „Морского шелкового пути“, стремясь к новой всесторонней открытости». Спустя год с лишним Государственный комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции описали инициативу подробнее в своем официальном документе от 28 марта 2015 года «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства „Экономического пояса Шелкового пути“ и „Морского Шелкового пути XXI века“». Цифры см. в материале “Commentary: From B&R forum to BRICS summit, China rises to global challenges with win-win solutions” [«Комментарий: от форума „Путь и пояс“ к саммиту БРИКС. Китай готовит взаимовыгодные ответы на глобальные вызовы»], Синьхуа, 22 мая 2015 г.; «国开行建立900余“一带一路”项目库涉资金近万亿美元» [«Банк развития Китая создал каталог из 900 проектов для инициативы „Пояс и путь“ общей стоимостью около 1 триллиона долларов»], Цайцзин, 28 мая 2015 г. Об отношениях Китая со странами Центральной Азии см. в докладе Кризисной группы № 244 “China’s Central Asia Problem” [«Проблемы Китая в Центральной Азии»], 27 февраля 2013 г.

² У Цзяньминь, “One Belt and One Road, Far-reaching Initiative” [«„Один пояс — один путь“: далекоидущая инициатива»], China-US Focus, 26 марта 2015 г.

³ «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы „Один пояс и один путь“», Государственный комитет по делам развития и реформ и Государственное океанологическое управление, 20 июня 2017 г.

⁴ Об отношениях Китая со странами Центральной Азии см. в докладе Кризисной группы № 244 “China’s Central Asia Problem”, 27 февраля 2013 г. Китайская точка зрения на вопрос: “China’s New Neighbourhood Diplomacy: Seeking Stability Through Management and Planning” [«Новый дипломатический курс Китая в отношении соседей: к стабильности через управление и планирование»], доклад № 9 Китайского института международных исследований, 14 февраля 2016 г. Официальная позиция и политические предложения: «推进沿边重点地区开发开放步伐构筑推进“一带一路”建设重要支撑» [«Содействие развитию и освоению ключевых пограничных регионов. Оказание важной поддержки „Поясу и пути“»],

Инициатива «Пояс и путь» получила статус «инициативы», потому что в ней мало конкретных целей и стратегий, и она не предусматривает никакую институциональную структуру. Китайские министерства, государственные предприятия, региональные и местные власти разрабатывают свои предложения к общим, сводным концепциям. Поэтому инициатива «Пояс и путь» и ЭПШП как один из ее компонентов фактически служат для зонтичного объединения отдельных существующих проектов и инвестиций, а также новых инициатив⁵.

С позиции экономики инициатива «Пояс и путь» призвана подстегнуть замедляющийся экономический рост Китая за счет развития новых рынков и создания дополнительного спроса в условиях перепроизводства в стране алюминия, стали, строительных материалов и услуг и продукции прочих отраслей⁶. Китай хочет быть главным торговым и инвестиционным партнером для государств Евразии и проложить новые торговые маршруты в Европу. Те, кто определяют политический курс Китая, рассчитывают, что это позволит сгладить экономическое неравенство между более бедными, окруженными со всех сторон сушей западными и внутренними регионами и его более процветающим восточным побережьем, а следовательно, сохранить социальную стабильность.

Геополитически, будучи частью инициативы «Пояс и путь», ЭПШП играет ключевую роль в дипломатии Си в отношении соседей, направленной на улучшение связей со странами на периферии Китая путем создания общественных благ, таких как транспортное сообщение и электроэнергетическая инфраструктура. Таким образом Китай, используя свои преимущества (огромные резервы капитала, дешевые кредиты, разработку новых технологий, производственные и строительные мощности), закладывает экономическую базу для того, чтобы в дальнейшем оказывать политическое влияние и формировать новую повестку глобализации уже на собственных условиях. Как продемонстрировал форум «Пояс и путь», состоявшийся в мае 2017 года, для Китая инициатива еще и способ продвижения своего образа

интервью представителей Государственного комитета по делам развития и реформ и Министерства коммерции, www.ndrc.gov.cn, 11 января 2016 г.; «习近平在推进‘一带一路’建设工作座谈会上发表重要讲话 张高丽主持, 新华社» [«Выступление Си Цзиньпина на рабочей конференции „Пояс и путь“, проходящей под председательством Чжан Гаоли»], Синьхуа, 17 августа 2016 г.

⁵ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч. Многие из проектов и предложений, которые теперь относятся к инициативе «Пояс и путь», появились задолго до нее. В частности, это внутренняя стратегия Китая по развитию его западных регионов (西部大开发), Китайско-пакистанский экономический коридор и аналогичные «коридоры» Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма, Китай–Монголия–Россия, Китай–Индокитай. В настоящем докладе, посвященном ЭПШП, они не рассматриваются.

⁶ При этом инициатива «Пояс и путь» может и не оказать значительного влияния на экономическое замедление Китая. Дэвид Доллар и другие исследователи пишут, что «совокупный вклад этих инициатив в спрос в Китае может оказаться слишком мал для существенного макроэкономического эффекта». Дэвид Доллар, “China’s rise as a regional and global power: The AIB and the ‘one belt, one road’” [«Восхождение Китая в качестве региональной и мировой державы: АБИИ и инициатива „Один пояс — один путь“»], Brookings Institution, 15 июля 2015 г.

внутри страны и на международной арене как обновленной, определяющей повестку дня державы⁷.

Инициатива «Пояс и путь» также несет в себе и идеологическую компоненту. Она фактически бросает вызов модели экономического развития, продвигаемой западными государствами, где упор делается на структурные и политические реформы и техническую помощь в таких сферах, как образование и здравоохранение, а общественная инфраструктура в основном выносятся за скобки. Китайское правительство надеется, что государственные, подпитываемые кредитными деньгами программы крупных инвестиций в инфраструктурные проекты простимулируют экономический рост в регионе. Некоторые аналитики предполагают, что в случае успеха инициатива «Пояс и путь» заложит основы нового мирового порядка, в котором лидирующую роль будет играть Китай⁸. С этой точки зрения Центральная Азия превращается в испытательный полигон для новых идей в китайской внешней политике⁹.

Для того чтобы задуманное удалось, нужно финансирование. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР в марте 2017 года заявил, что начиная с 2013 года Китай проинвестировал более 50 млрд долларов в страны, расположенные вдоль «Пояса и пути», и что в 2014–2016 годах подписано договоров на новые строительные проекты на общую сумму 304,9 млрд долларов¹⁰. Конкретные цифры установить труднее. В

⁷ Первый китайский форум международного сотрудничества «Пояс и путь» состоялся в Пекине 14–15 мая 2017 г. На нём председатель Си Цзиньпин представил инициативу 29 мировым лидерам и высокопоставленным представителям более чем из 100 стран, ООН, МВФ и других международных агентств и пообещал дальнейшее финансирование проектов «Пояса и пути».

⁸ Том Миллер, “China’s Asian Dream: Empire Building along the New Silk Road” [«Азиатская мечта Китая: строительство империи вдоль нового Шелкового пути»] (Лондон, 2017 г.); Надеж Роллан, “China’s Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative” [«Китай вступает в евразийский век? Политические и стратегические последствия инициативы „Пояс и путь“»], Национальное бюро азиатских исследований, 2017 г.; Крис Девоншир-Эллис, “China’s New Economic Silk Road: The Great Eurasian Game & The String of Pearls” [«Новый экономический Шелковый путь Китая: большая евразийская игра и нитка жемчуга»], Asia Briefing, 2015 г.; Уильям А. Каллахан, “China’s ‘Asia Dream’: The Belt Road Initiative and the new regional order” [«„Азиатская мечта“ Китая: инициатива „Пояс и путь“ и новый региональный порядок»], Asian Journal of Comparative Politics, 2016 г., с. 1–18; Лань Шэнь, “Xi Jinping’s ‘One Belt, One Road’ strategy is showing the way to a new world order” [«Стратегия Си Цзиньпина „Один пояс — один путь“ — дорога к новому мировому порядку»], South China Morning Post, 13 декабря 2016 г.

⁹ Рафаэлло Пантуччи, Сара Лейн, “China’s Eurasian Pivot: The Silk Road Economic Belt” [«Евразийская ось Китая: „Экономический пояс Шелкового пути“»], Whitehall Papers, 88:1, 16 мая 2017 г.; Марцин Качмарский, “‘Silk Globalization’: China’s Vision of International Order” [«„Шелковая глобализация“: китайское видение мирового порядка»], OSW, октябрь 2016 г.

¹⁰ “China’s investment to Belt and Road countries exceeds \$50 bln: official” [«По официальным данным, инвестиции Китая в страны „Пояса и пути“ превысили 50 млрд долларов»], Синьхуа, 6 марта 2017 г. Сумму по строительным контрактам назвал заместитель министра коммерции Цянь Кэмин: “SCIO briefing on trade and economic cooperation under B&R Initiative” [«Брифинг в информационном бюро Госсовета, посвященный торговле и экономическому сотрудничеству в рамках инициативы „Пояс и путь“»], China.org.cn, 11 мая 2017 г.

ноябре 2014 года председатель КНР Си Цзиньпин объявил о создании Фонда Шелкового пути (ФШП) в размере 40 млрд долларов, которые пойдут на «выделение инвестиций и финансовую поддержку для различных проектов в странах, расположенных вдоль „Пояса и пути“: инфраструктурных и добывающих проектов, промышленного сотрудничества, финансового сотрудничества и др.»¹¹. В мае 2017 года на форуме «Пояс и путь» он объявил о выделении еще 540 млрд юаней (79,4 млрд долларов), в том числе 100 млрд юаней (14,7 млрд долларов) для ФШП¹². К концу 2016 года Фонд Шелкового пути заключил договоров на сумму как минимум 3,25 млрд долларов, однако его первые инвестиции были сделаны в России, Пакистане и Европе, а не в Центральной Азии¹³.

Ожидается, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом в 100 млрд долларов тоже будет финансировать ФШП: в первый год он собирается выделить кредитов на сумму от 1 до 2 млрд долларов, в основном вместе с другими многосторонними кредитными организациями¹⁴. Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития Китая продолжают играть важнейшую роль в финансировании проектов ИПП, особенно ЭППП в Центральной Азии, используя свою устоявшуюся практику льготного кредитования правительств на условиях привлечения к работам китайских подрядчиков¹⁵.

¹¹ “Chronology of China’s Belt and Road Initiative” [«Хроника китайской инициативы „Пояс и путь“»], Синьхуа, 28 марта 2015 г. ФШП учрежден как компания с ограниченной ответственностью в декабре 2014 года. В число его акционеров входят Китайская инвестиционная корпорация, Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития Китая. Его первые проекты не были ориентированы именно на Шелковый путь.

¹² “Full text: List of deliverables of Belt and Road forum” [«Полный текст: список материалов форума „Пояс и путь“»], Синьхуа, 15 мая 2017 г.

¹³ Рафаэлло Пантуччи, “China’s development lenders embrace multilateral co-operation” [«Китайские инвесторы, вкладывающие в развитие, переходят к многостороннему сотрудничеству»], China in Central Asia (chinaincentralasia.com), 4 ноября 2016 г.

¹⁴ “China’s AIB seeks to pave new Silk Road with first projects” [«Первые проекты китайского АБИИ прокладывают новый Шелковый путь»], Financial Times, 19 апреля 2016 г. К концу 2016 года АБИИ заключил сделок примерно на 829 млн долларов, из которых 400 млн долларов пришлось на Пакистан и только 27,5 млн долларов — на Центральную Азию.

¹⁵ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч. Интервью Кризисной группы, Пекин и Гонконг, март–апрель 2017 г. В своей книге «Азиатская мечта Китая» Том Миллер пишет, что на проекты инициативы «Пояс и путь» Китай может выделять в год максимум от 50 до 100 млрд долларов. По оценкам экономиста Юкунь Хуана, способность Китая финансировать свои амбициозные планы будет зависеть от роста его ВВП в будущем. См. также Джеймс Кинг, “How the Silk Road plans will be financed” [«Как будут финансироваться планы Шелкового пути»], Financial Times, 9 мая 2016 г.; Алисия Гарсия Эрреро, “The Belt and Road: Great project as long as one can finance it!” [«Пояс и путь: великолепный проект, если только на него будут деньги!»], Natixis, 12 мая 2017 г.; “Behind China’s Silk Road vision: cheap funds, heavy debt, growing risk” [«Что стоит за концепцией китайского Шелкового пути: дешевые деньги, большие долги, растущие риски»], Reuters, 15 мая 2017 г.; Кристофер Болдинг, “Can China afford its Belt and Road?” [«Может ли Китай позволить себе „Пояс и путь“»], Bloomberg, 17 мая 2017 г.

А. План «Экономического пояса Шелкового пути»

В официальных документах описываются следующие главные цели «Экономического пояса Шелкового пути»: развитие транспортной сети, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция, культурный, образовательный и туристический обмен. Помимо того что корнями идея уходит в историю страны, она давно витала и в планах современного Китая. Когда председатель КНР Си Цзиньпин запускал ЭПШП в сентябре 2013 года в Астане, он фактически воплощал в жизнь слова бывшего премьера Госсовета Ли Пэна, который еще в 1994 году во время визита в Казахстан призывал строить новый Шелковый путь¹⁶. В последние годы эта концепция пришлась кстати в ответ на попытки Америки «изменить баланс» в Азии, и китайские стратеги заговорили о евразийской оси и «движении на запад» для Китая и распространили национальную Программу освоения западных районов на Центральную Азию, где меньше конкуренции с США¹⁷.

ЭПШП преследует две большие стратегические цели. Во-первых, обеспечить Китаю альтернативные маршруты для импорта и экспорта и для поставок энергетических ресурсов, а также снизить зависимость от стратегических морских путей в Юго-Восточной Азии. Во-вторых, создать зону стабильности по обе стороны западной границы Китая¹⁸.

В этом регионе с точки зрения безопасности и стабильности Китай больше всего волнует Синьцзян-Уйгурский автономный район, и с помощью ЭПШП он надеется решить эту проблему. Район граничит с восемью странами, на его

¹⁶ “Promote Friendship Between Our People and Work Together to Build a Bright Future – Speech by H. E. Xi Jinping, President of the People’s Republic of China, at Nazarbayev University” [«Стремиться к дружбе между нашими народами и вместе работать над строительством светлого будущего. Речь председателя Китайской Народной Республики Его Превосходительства Си Цзиньпина в Назарбаев Университете»], Министерство иностранных дел КНР, 7 сентября 2013 г.; “Chinese premier wraps up Central Asian tour” [«Китайский премьер завершает турне по странам Центральной Азии»], UPI, 27 апреля 1994 г.

¹⁷ Ссылаясь на геополитическую теорию «хартленда» Хэлфорда Маккиндера, генерал НОА Лю Ячжоу первым призвал Китай «двигаться на запад». Лю Ячжоу, “大国策” [«Большая национальная стратегия»], 爱思想 [Aisixiang.com], 15 апреля 2004 г. Позже китайский профессор международных отношений и член правления Кризисной группы Ван Цзисы развил идею в широко цитируемом эссе: Ван Цзисы, “‘西进’, 中国地缘战略的再平衡” («„Движение на запад“ и изменение баланса в геостратегии Китая»), Global Times, 17 октября 2012 г. См. также Юнь Сунь, “March West: China’s Response to the U.S. Rebalancing” [«Движение на запад как китайский ответ на американское изменение баланса»], Brookings Institution, 31 января 2013 г.; Тереза Фэллон, “The New Silk Road: Xi Jinping’s Grand Strategy for Eurasia” [«Новый Шелковый путь: большая стратегия Си Цзиньпина для Евразии»], American Foreign Policy Interests, том 37, № 3 (2015 г.), с. 140-147. Компартия в 2000 году начала Программу освоения западных районов (西部大开发) и включила в нее шесть провинций, пять районов и город Чунцин. Политика программы и инвестиции призваны стимулировать там экономический рост. См. “China’s Campaign to ‘Open up the West’ National, Provincial and Local Perspectives” [«Кампания Китая по „освоению запада“ на национальном, провинциальном и местном уровнях»], The China Quarterly Special Issues (№ 5), под ред. Дэвида С. Г. Гудмана (Кембридж, 2004 г.).

¹⁸ Интервью Кризисной группы, Пекин и Шанхай, март–июль 2017 г.; Роллан, “China’s Eurasian Century?”, цит. соч.; Пантуччи, Лейн, “China’s Eurasian Pivot”, цит. соч.

территории располагает 15 сухих портов, он богат природными ресурсами, благодаря чему представляет собой стратегически важный узел, связывающий страну с другими рынками и культурами. Около 46% от 22-миллионного населения Синьцзяна составляют уйгуры — мусульмане, исторически и культурно связанные с Центральной Азией и Турцией¹⁹. Давняя напряженность в отношениях между уйгурами и китайцами-ханьцами имеет глубокие и сложные корни. Это и разные трактовки одних и тех же исторических событий, и относительная удаленность, и бедность, и низкий уровень образования, и языковые и культурные различия, и этническая и религиозная дискриминация. Благодаря крупным государственным инвестициям и миграции из других провинций ВВП Синьцзяна быстро вырос. Но по этим же причинам углубилось экономическое неравенство между разными этническими группами, усилилось недовольство уйгуров по поводу культурной ассимиляции, с новой силой зазвучали призывы к расширению автономии²⁰.

Многие мелкие вспышки насилия и волнения в Синьцзяне, по-видимому, являются результатом преступности, коррупции, предрассудков и прочих местных разногласий. Более серьезные случаи, например бунт в столице района Урумчи в 2009 году, когда погибло как минимум 197 человек, связаны с более широким общественно-политическим недовольством²¹. Крупные нападения с участием уйгуров из Синьцзяна — в Пекине в 2013 году и в Куньмине в 2014 году — были осуществлены с применением террористической тактики и, очевидно, были организованы политически мотивированными группировками и людьми, как минимум часть из которых вдохновлялась идеологией радикального ислама и сепаратизма. Китайских экспертов в области борьбы с терроризмом беспокоят террористические тактики и фундаменталистский ислам, проникающие в страну с Ближнего Востока и из Центральной Азии. Они обращают внимание на заявления Исламской партии

¹⁹ Следующие по величине этнические группы в Синьцзяне представлены китайцами-ханьцами (39%) и казахами (7%). “China to pursue ethnic fusion” [«Китай стремится к этническому смешению»], *Global Times*, 7 марта 2016 г.

²⁰ Интервью Кризисной группы, Пекин и Гонконг, февраль–июнь 2017 г. Обсуждение межэтнических волнений в Синьцзяне — очень опасная политическая тема в Китае, и мнения по поводу причин и путей разрешения конфликтов расходятся. См., например, Энтони Хоуэлл и С. Синди Фань, “Migration and Inequality in Xinjiang: A Survey of Han and Uyghur Migrants in Urumqi” [«Миграция и неравенство в Синьцзяне: исследование ханьских и уйгурских мигрантов в Урумчи»], *Eurasian Geography and Economics*, том 52, № 1 (2011 г.), с. 119–139; Шон Робертс, “Imaginary Terrorism? The Global War on Terror and the Narrative of the Uyghur Terrorist Threat” [«Воображаемый терроризм? Глобальная война с терроризмом и нарратив уйгурской террористической угрозы»], *PONARS Eurasia Working Paper*, март 2012 г.; Джеймс Лайбольт, “Carrot and stick tactics fail to calm China’s ethnic antagonism” [«Тактика кнута и пряника не позволила снизить градус межэтнического противостояния в Китае»], *East Asia Forum* (www.eastasiaforum.org), 28 апреля 2015 г.; “China’s Great Game: New frontier, old foes” [«Большая игра Китая: новые рубежи, старые враги»], *Financial Times*, 13 октября 2015 г.

²¹ Колин Маккеппас, “Causes and Ramifications of the Xinjiang July 2009 Disturbances” [«Причины и итоги волнений в Синьцзяне в 2009 году»], *Sociology Study*, июль 2012 г., том 2, № 7, с. 496–510.

Туркестана, которая берет на себя ответственность за теракты, призывы к действию со стороны иностранных террористических организаций и доказательств участия уйгуров в боевых действиях в Ираке и Сирии на стороне Исламского государства.

В ответ центральные и региональные власти увеличили инвестиции в местную экономику, расширили социальные программы и защиту интересов ущемляемых этнических групп, ввели ограничения на религиозные практики и одежду, а также перешли к «жесткому подавлению» терроризма путем повсеместной слежки, усиления полиции и военизированных формирований. Результаты оказались неоднозначными, и некоторые аналитики опасаются, что за краткосрочной стабильностью скрывается растущая напряженность. Для охраны границ Синьцзяна Китай использует беспилотники, колючую проволоку и камеры наблюдения, и он призывает прилегающие государства к расширению сотрудничества по обеспечению безопасности границы²².

Пока главным эффектом ЭПШП в Синьцзяне стало ускорение роста ВВП за счет государственных капитальных вложений, в основном в трубопровод. На сегодняшний день ЭПШП не привел ни к увеличению объемов торговли между Синьцзяном и Центральной Азией, ни к увеличению доли Синьцзяна в товарообороте²³. Со временем — в той мере, в которой транспортная инфраструктура, логистические узлы и особые зоны «Пояса» докажут свою экономическую состоятельность, — торговля и инвестиции могут вырасти, появятся новые возможности, особенно для крупных компаний и государственных предприятий, таких как Синьцзянский производственно-строительный корпус.

Тем не менее инициатива вряд ли сильно повлияет на причины недовольства, например неравенство и политическую напряженность, если только материальные инфраструктурные проекты не будут сопровождаться нематериальными, более аккуратными усилиями по снижению недовольства и сглаживанию национально-религиозных различий, более дифференцированной политикой в области безопасности, дополнительными программами по вовлечению местных жителей в торговлю, например через

²² Интервью Кризисной группы, Пекин и Гонконг, 2016 и 2017 гг. “China moves to calm restive Xinjiang region” [«Китай старается утихомирить беспокойный Синьцзян»], *The New York Times*, 30 мая 2014 г.; Гейб Коллинз, “Beijing’s Xinjiang policy: Striking too hard?” [«Политика Пекина в Синьцзяне: слишком жесткое подавление?»], *The Diplomat*, 23 января 2015 г.; “Crackdown breeds Uighur resentment of China’s deserving Han heroes” [«Репрессии лишь усугубляют ненависть уйгуров к заслуженным китайским героям-ханьцам»], *Financial Times*, 16 октября 2015 г.; Майкл Кларк, “Does China have itself to blame for the trans-nationalisation of Uyghur terrorism?” [«Не стоит ли Китаю винить себя в том, что уйгурский терроризм вышел на общенациональный уровень?»], *East Asia Forum* (www.eastasiaforum.org), 30 марта 2017 г.

²³ Рафаэлло Пантуччи, Анна София Янг, “Xinjiang trade raises doubts over China’s ‘Belt and Road’ plan” [«Состояние торговли Синьцзяна заставляет усомниться в китайском плане „Пояс и путь“»], блог *Beyond BRICS* (blogs.ft.com), *Financial Times*, 10 августа 2016 г.; “Security clampdown in China’s west exacts toll on businesses” [«Из-за жестких силовых действий Китая на западе страны страдает бизнес»], *Reuters*, 28 июня 2017 г.

обучение предпринимательству и выделение стартового капитала малым предприятиям²⁴.

Для достижения целей Пекина в Синьцзяне ЭПШП усиливает роль Китая в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), куда входят четыре из пяти центральноазиатских республик, а также Россия, Китай и — с июня 2017 года — Индия и Пакистан. Главным направлением работы ШОС является обеспечение безопасности и борьба с терроризмом. Штаб-квартира ШОС находится в Пекине. Для Китая это имиджевый проект, направленный на расширение влияния в регионе, но польза от него не так уж велика²⁵. Пекин надеялся, что ШОС перерастет в экономический союз с соглашением о свободной торговле, но натолкнулся на возражения России. ЭПШП же стал альтернативным форматом для расширения экономического влияния Китая²⁶.

В Центральной Азии основное внимание уделяется улучшению транспортной и энергетической инфраструктуры вдоль двух широких транспортных коридоров, которые призваны содействовать экономическому сотрудничеству за счет обеспечения связности²⁷. В новом Евразийском сухопутном мосте — экономическом коридоре, соединяющем Китай с Европой через Казахстан и Россию, используется существующая железнодорожная и автодорожная инфраструктура, однако Россия медленно расширяет свою пропускную способность. Новые инициативы включают в себя запуск в России высокоскоростных поездов, которые сократят время поездки из Москвы в Казань с двенадцати до трех с половиной часов. Финансированием и строительством проекта занимается Китай. Планируется затем развить его до высокоскоростного маршрута, соединяющего Москву и Пекин²⁸.

Китай делает бо́льшую ставку на развитие второго маршрута — экономического коридора Китай — Центральная Азия — Западная Азия, который соединит Синьцзян с Кыргызстаном, Таджикистаном, Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном в обход России. В этом маршруте лучше всего развита северная ветка, где прокладывается железная дорога от нового торгового терминала «Хоргос» на китайско-казахской границе к казахскому порту Актау на Каспии²⁹. Из Актау грузы можно будет отправлять по

²⁴ Интервью Кризисной группы с китайскими и западными аналитиками, Пекин и Гонконг, 2016 и 2017 гг.

²⁵ Эндрю Скобелл, Эли Ратнер, Майкл Бекли, “China’s Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress” [«Стратегия Китая в Южной и Центральной Азии: пустующая крепость»], (Санта-Моника, 2014 г.).

²⁶ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч., с. 10.

²⁷ Гао Бай, “The Railroad and Land-Power Strategy: Historical Lessons Learned for the ‘Silk Road Economic Belt’ Strategy” [«Железная дорога и стратегия материковой державы: исторические уроки для стратегии „Экономического пояса Шелкового пути“»], China International Strategy Review 2015, Пекинский университет, 2016 г., с. 202–231. По оценке Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, к 2020 году между Китаем и Европой будет курсировать 5000 грузовых поездов в год. “5,000 China-Europe cargo trains expected by 2020” [«5000 грузовых поездов между Китаем и Европой к 2020 году»], Синьхуа, 18 октября 2016 г.

²⁸ Шэнь Цин, “News Analysis: China high-speed rail makes tracks overseas” [«Анализ новостей: китайская высокоскоростная дорога за границей»], Синьхуа, 19 июня 2015 г.

²⁹ Джон С. К. Дейли, “China and Kazakhstan to Construct a Trans-Kazakhstan Railway Line from Khorgos to Aktau” [«Китай и Казахстан построят трансказахстанскую железную дорогу от

Каспийскому морю в Азербайджан и Грузию и по новой железной дороге Баку–Тбилиси–Карс. В южном направлении от Актау открылась новая железная дорога между Казахстаном, Туркменистаном и Ираном. Первые поезда между Китаем и Ираном пошли в феврале 2016 года³⁰. В сентябре 2016 года первый в истории поезд из Китая в Афганистан прибыл в Хайратан, проведя в пути из Няньюна 12 дней³¹.

Не все эти маршруты будут прибыльными. По сравнению с морскими путями, они сэкономят значительное время при доставке дорогих малообъемных товаров, но цена отправки по ним грузов в Европу будет очень высока³². Казахстан хочет соединить транзитные маршруты с новыми специальными экономическими зонами, чтобы максимизировать влияние на местную экономику. Специальная экономическая зона «Хоргос — Восточные ворота» и сухой порт, создание которых с большой помпой анонсировал 2 июля 2014 года президент Нурсултан Назарбаев, призваны «активизировать экономический рост по всей Евразии»³³.

Дело продвигается медленно. Развитию мешает малый потребительский спрос в Казахстане. Однако некоторые наблюдатели считают, что для сухого порта кризис, возможно, позади: в мае 2017 года богатая китайская логистическая компания COSCO Shipping и порт Ляньюньган в провинции Цзянсу приобрели в общей сложности 49% акций сухого порта с казахской стороны границы у национального оператора железнодорожной сети. В июне во время визита председателя КНР Си в Астану было заключено контрактов на сумму 8 млрд долларов, и правительства пообещали заняться согласованием Пояса с казахстанской экономической программой «Нурлы жол» («Светлый путь»)³⁴. Благодаря увеличению количества железнодорожных услуг и их

„Хоргоса“ до Актау», Eurasia Daily Monitor, том 12, № 94, 20 мая 2015 г.; Саммер Чжэнь, “China’s Silk Road strategy takes shape in Khorgos” [«Китайская стратегия Шелкового пути материализуется в „Хоргосе“»], South China Morning Post, 18 октября 2015 г.

³⁰ Наджмех Бозормехр, “First freight trains from China arrive in Tehran” [«Первые грузовые поезда из Китая прибыли в Тегеран»], Financial Times, 9 мая 2016 г.

³¹ “First cargo train from China arrives in N. Afghan port” [«Первый грузовой поезд из Китая прибыл в порт на севере Афганистана»], Синьхуа, 7 сентября 2016 г.

³² При отправке обычными автомобильными маршрутами и морскими путями груз доходит из китайских промышленных центров до Европы где-то за 35 дней. При отправке по железной дороге срок сокращается до 18–20 дней и даже меньше. Отправка контейнера по железной дороге стоит 3500–5000 долларов, тогда как по морю — 2000 долларов. Парху Даял, “Building an Interconnected Belt” [«Строительство взаимосвязанного Пояса»], Railway Gazette International, том 172, № 5, 2016 г., с. 40–43; Том Холланд, “Puffing across the ‘One Belt, One Road’ rail route to nowhere” [«Поезд в никуда по маршруту „Один пояс — один путь“»], South China Morning Post, 1 мая 2017 г.

³³ “Kazakhstan, China: Close neighbours that build mutually beneficial ties” [«Казахстан, Китай: близкие соседи налаживают взаимовыгодные связи»], The Astana Times, 5 мая 2015 г.

³⁴ Уэйд Шепард, “Khorgos: The New Silk Road’s Central Station Comes To Life” [«„Хоргос“: центральная станция нового Шелкового пути воплощается в жизнь»], Forbes, 20 февраля 2017 г.; “Why Kazakhstan is building a “New Dubai” on the Chinese border” [«Зачем Казахстану строить „новый Дубай“ на границе с Китаем»], Forbes, 28 февраля 2016 г.; “Chinese companies buy stake in dry port in Kazakhstan” [«Китайские компании приобрели долю в казахстанском сухом порту»], Синьхуа, 15 мая 2017 г.; “China, Kazakhstan sign cooperation deals worth over 8

востребованности цены в пересчете на один контейнер падают, а прохождение таможи на границе Казахстана заметно ускорилось, по словам одного из руководителей «Казахстанских железных дорог». Из-за разной ширины железнодорожной колеи в двух странах по-прежнему приходится менять вагонные тележки железнодорожных вагонов, однако маршрутным составам удается избегать такой задержки с помощью перегрузки стандартных контейнеров, которая занимает меньше времени³⁵.

Определенные маршруты преобразуют передвижения внутри стран. В июне 2016 года председатель КНР Си Цзиньпин и тогдашний президент Узбекистана Ислам Каримов открыли новую железнодорожную ветку стоимостью 1,6 млрд долларов. Она соединила Ферганскую долину и Ташкент и прошла через Камчикский тоннель протяженностью 19,2 км — самый длинный тоннель в регионе, построенный китайской компанией по строительству железнодорожных тоннелей China Railway Tunnel Group. Этот маршрут представляет собой часть планируемого железнодорожного маршрута, который предполагается проложить через юг Кыргызстана на запад Китая и который пока находится в стадии обсуждения³⁶. Старый железнодорожный путь проходил по территории Таджикистана, из-за чего у пассажиров были постоянные затруднения на границе по причине сложных отношений между двумя странами³⁷. Проект явил собой пример сотрудничества банков развития со Всемирным банком (195 млн долларов) и «Эксимбанком» (350 млн долларов)³⁸.

На базе этих внутренних транспортных маршрутов в итоге может возникнуть новая трансрегиональная сеть. Таджикистан при поддержке Китая тоже развивает внутренние железнодорожные и автомобильные маршруты. Однако трансграничные маршруты, необходимые для успеха ЭПШП, создавать гораздо труднее. Маршрут из Кашгара (Китай) через Ош (Кыргызстан) в Узбекистан натолкнулся на препятствия в Кыргызстане, который склонял Китай к строительству вместо него дороги в направлении с севера на юг. Частным лицам и торговым грузам по-прежнему сложно пересекать кыргызско-узбекскую и таджикско-узбекскую границы, хотя

bln USD» [«Китай и Казахстан подписали договор о сотрудничестве на общую сумму свыше 8 млрд долларов США»], Синьхуа, 10 июня 2017 г.

³⁵ Интервью Кризисной группы с руководителем «Казахстанских железных дорог», Сингапур, июль 2017 г. Ширина колеи в Китае составляет 1435 мм, а в Казахстане 1520 мм. Без китайских субсидий цены на маршрутные поезда были бы намного выше. «Case Studies on Railway Border Crossing Points: I. Kazakhstan / People's Republic of China (PRC)» [«Изучение железнодорожных пограничных переходов: I. Казахстан — Китайская Народная Республика (КНР)»], программа ЦАРЭС, 2016 г.

³⁶ «Chinese, Uzbek leaders hail inauguration of Central Asia's longest railway tunnel» [«Лидеры Китая и Узбекистана открыли самый длинный железнодорожный тоннель в Центральной Азии»], Синьхуа, 22 июня 2016 г.

³⁷ «Two presidents open Angren-Pap railway» [«Два президента открыли железнодорожную линию „Ангрен–Пап“»], Railway Gazette, 2 июля 2016 г.

³⁸ «7,6 млн жителей Узбекистана получают более удобное транспортное сообщение между регионами», пресс-релиз Всемирного банка, 14 февраля 2015 г.

ситуация на границе Кыргызстана и Узбекистана улучшилась³⁹. Китай отремонтировал автодороги между западом Китая и югом Кыргызстана, и теперь по ним ездят грузовые автомобили в Таджикистан и Афганистан. Самыми сложными считаются маршруты, связанные с Афганистаном: железнодорожный проект Таджикистан–Афганистан–Туркменистан (ТАТ) сталкивается с многочисленными политическими сложностями и проблемами в области безопасности.

Наряду с железными дорогами, Китай прокладывает трубопроводы, чтобы снизить свою зависимость от энергоресурсов с Ближнего Востока. По словам казахстанского эксперта Константина Сыроежкина, в 2012 году Китай контролировал около 25% производства нефти в Казахстане⁴⁰. Нефтепровод «Казахстан–Китай», строительство которого завершилось в 2005 году, предназначен для транспортировки нефти с шельфового Кашаганского месторождения в Казахстане. Трубопровод «Китай — Центральная Азия» представляет собой основной маршрут для экспорта туркменского газа, что ставит его в сильную зависимость от пекинских партнеров. Строительство ветки «D» этого трубопровода отложено.

Экономическая деятельность Китая не сводится лишь к развитию транспортной сети и торговли; он также инвестирует и в промышленность. В Араванском районе Кыргызстана работает управляемый китайцами цементный завод; объявлено о строительстве новых в Иссык-кульской и Ошской областях⁴¹. В Таджикистане китайские инвесторы открыли несколько новых цементных заводов, и с 2013 по 2015 год производство выросло в пять раз⁴². Другой значительной сферой инвестиций является энергетика. Китайская компания Tebian Electricity Apparatus (ТВЕА) в декабре 2016 завершила в Душанбе реконструкцию электростанции общей стоимостью 350 млн долларов и сейчас ремонтирует теплоэлектростанцию в Бишкеке. В 2015 году ТВЕА сдала в эксплуатацию линию электропередач между севером и югом Кыргызстана, потратив на нее 390 млн долларов. Новая ЛЭП избавила от необходимости транзита через территорию Узбекистана⁴³.

³⁹ Доклад Кризисной группы №242 “Uzbekistan: The Hundred Days” [«Узбекистан: сто дней»], 15 марта 2017 г.

⁴⁰ Константин Сыроежкин, «Присутствие Китая в энергетическом секторе Центральной Азии», Центральная Азия и Кавказ, том 15, выпуск 1, 2012 г., с. 23–46.

⁴¹ Строительство крупнейшего китайского цементного завода в Кыргызстане было приостановлено в июле 2015 года из-за его близости к линии электропередач «Датка–Кемин». Завод в Араване работает, и планируется построить там еще один. Татьяна Кудрявцева, «Премьер-министр КР распорядился остановить работу цементного завода вблизи подстанции „Кемин“», 24.kg, 20 июля 2015 г.; Ерлан Тургунбаев, «В Ошской области строится цементный завод стоимостью в 10 млн долларов», Кабар, 7 декабря 2015 г. «В Араванском районе цементный завод в сутки выпускает 800–1000 тонн цемента», Turmush – АКИпресс, 31 августа 2015 г. Подробнее о китайско-кыргызстанских предложениях см. в Совместном коммюнике Правительства Кыргызской Республики и Правительства Китайской Народной Республики, 2 ноября 2016 г.

⁴² Дирк ван дер Клэй, “China shifts polluting cement to Tajikistan” [«Китай переводит грязные производства цемента в Таджикистан»], chinadialogue.net, 8 августа 2016 г.

⁴³ «Завершено строительство ЛЭП „Датка–Кемин“ — НЭСК», Кабар, 21 августа 2015 г.

В. Сложности на Шелковом пути

Потенциально инфраструктурные проекты и коммерческие инвестиции способны преобразить Центральную Азию и оживить связи с Ираном, Ближним Востоком, Кавказом и Восточной Европой. Это шанс на улучшение отношений в регионе и на экономический рывок. Тем не менее они сопряжены с серьезными проблемами и рисками⁴⁴.

1. Антикитайские настроения

В официальном китайском документе, посвященном ЭПШП, подчеркивается необходимость кооперации и сопряжения с существующими «многосторонними механизмами сотрудничества»; отмечается, что Пояс нужно строить совместными усилиями, проводя консультации и учитывая интересы всех сторон⁴⁵. Таким образом Китай рассчитывает ослабить подозрительность на местах по поводу своего растущего влияния и надеется, что ЭПШП улучшит отношение к Китаю в государствах Центральной Азии. В частности, он предлагает при возможности сотрудничать с существующими национальными программами. В то время как ЕАЭС предусматривает сложную подготовку к членству, навязчивое регулирование и наличие наднационального органа в Москве, в ЭПШП нет никаких наднациональных управляющих структур и никаких правил для участников. Показательно, что цель ЭПШП и китайской новой «периферийной дипломатии» — улучшить отношение к Китаю среди своих непосредственных соседей⁴⁶.

Однако это тяжелая задача. Во всех государствах Центральной Азии антикитайские настроения пронизывают все слои общества, расистские

⁴⁴ Китайские аналитики приступили к оценке таких рисков; см. в частности «一带一路”能源资源投资政治风险评估报告” [«Анализ политических рисков, связанных с инвестициями в сектор энергоресурсов в рамках инициативы „Пояс и путь“»], Центр стратегических исследований в области энергетики и природных ресурсов, Жэньминьский университет, 11-е изд., январь 2017 г.

⁴⁵ «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства „Экономического пояса Шелкового пути“ и „Морского Шелкового пути XXI века“», Государственный комитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел, Министерство коммерции, 28 марта 2015 г.

⁴⁶ На рабочем форуме, посвященном периферийной дипломатии, в 2013 году Си Цзиньпин призвал к такому дипломатическому курсу, который «растопит сердца других народов и сделает соседние страны более дружелюбными». Тимоти Р. Хит, “Diplomacy Work Forum: Xi Steps up Efforts to Shape a China-Centered Regional Order” [«Дипломатический рабочий форум: Си наращивает усилия по созданию китайскоцентричного регионального порядка»], China Brief, Jamestown Foundation, том 13, № 22 (2013 г.), с. 6. На встрече китайского министра иностранных дел Ван И с казахстанским министром иностранных дел Ерланом Идрисовым в Казахстане в июне 2016 года равное значение придавалось национальной программе развития Казахстана «Нұрлы жол» и ЭПШП. “Chinese, Kazakh FMs vow to strengthen ties” [«Главы МИДов Китая и Казахстана обещают укрепить связи»], Синьхуа, 22 мая 2016 г. См. Азиз Бурханов, Юй-Вэнь Чэнь, “Kazakh Perspective on China, the Chinese, and Chinese Migration” [«Казахский взгляд на Китай, китайцев и китайскую миграцию»], Ethnic and Racial Studies Review, том 39, № 12 (2016 г.), с. 2139.

стереотипы зачастую выражаются открыто⁴⁷. В частных беседах некоторые местные политики списывают это на более широкие ксенофобские тенденции, отмечая при этом, что сотрудничество с Китаем особенно чревато по историческим причинам⁴⁸. Притом что элиты более позитивно воспринимают сближение с Китаем и считают крайне привлекательной перспективу получить крупные инвестиции почти без каких-либо политических условий, национализм и экономическое недовольство порождают взрывоопасную среду, которую не стоит игнорировать ни Пекину, ни центральноазиатским правительствам. «Любовь к Китаю и боязнь его будут влиять на политическую, геостратегическую и культурную ситуацию в регионе, ускоряя или, напротив, замедляя китайскую экспансию»⁴⁹.

Особенно сильно негативное отношение проявляется в Казахстане и Кыргызстане. Согласно опросам общественного мнения, большая часть граждан Кыргызстана видят в Китае, скорее, экономическую угрозу, а не партнера; более важными экономическими партнерами они считают Россию, Казахстан, Турцию и ЕС⁵⁰. Такое восприятие очень характерно для казахских националистов, у которых озабоченность Китаем зачастую накладывается еще и на экономическое недовольство⁵¹. Националисты резко критиковали такие инициативы, как упрощение визового режима для китайцев⁵².

В Кыргызстане антикитайские настроения часто подогревают протесты либо используются политическими лидерами для мобилизации общественности против китайских компаний. В августе 2011 года на территории золотого рудника «Солтон-Сары» в Нарынской области произошло нападение на трех китайских горняков. Местные жители говорили, что китайцы игнорируют меры по защите окружающей среды и плохо обращаются с кыргызскими рабочими. В сентябре 2012 года жители Джалал-Абада напали на лагерь китайских дорожных строителей рядом с золотым

⁴⁷ «В Астане прошел митинг против браков казахстанских девушек и китайских женихов», *Zakon.kz*, 11 января 2017 г.

⁴⁸ Интервью Кризисной группы с кыргызским политиком, Бишкек, сентябрь 2014 г.

⁴⁹ Себастьян Пейруз, “Discussing China: Sinophilia and Sinophobia in Central Asia” [«Обсуждение Китая: любовь к Китаю и его боязнь в Центральной Азии»], *Journal of Eurasian Studies*, том 7, № 1 (2016 г.), с. 14–23; см. также Рафаэлло Пантуччи, “Sinophobia: A potential knot in the Silk Road” [«Боязнь Китая: потенциальный узел на Шелковом пути»], *China in Central Asia (chinaincentralasia.com)*, 14 июня 2015 г.

⁵⁰ “IRI’s Center for Insights Poll: Despite Corruption and Slow Economy, Citizens Feel that Kyrgyzstan is Moving in the Right Direction” [«Центр исследований общественного мнения IRI: несмотря на коррупцию и медленный рост экономики, граждане считают, что Кыргызстан движется в правильном направлении»], Международный республиканский институт (IRI), 9 мая 2016 г. В одном докладе отмечается, что «негативные стереотипы о Китае и китайцах, боязнь Китая повсеместно присутствуют в частных газетах, выходящих на казахском языке». Азиз Бурханов, Юй-Вэнь Чэнь, “Kazakh Perspective”, цит. соч.

⁵¹ «Досым Сатпаев: Проглотит ли китайский удав евразийского кролика», *Ratel.kz*, 30 мая 2016 г.

⁵² Националистическое издание «Жас Алаш» писало в 2014 году: «Предложение Китая о безвизовом режиме для туристов для нас неприемлемо. Для них это способ завоевать нас без войны». «Китайская игра „а что если“», *Жас Алаш*, 9 сентября 2014 г, цитата по: Азиз Бурханов, Юй-Вэнь Чэнь, “Kazakh Perspective”, цит. соч.

месторождением «Чаарат», негодуя по поводу того, что их грузовики разбили местные дороги⁵³. В октябре 2012 года протестующие парализовали работу китайского золоторудного месторождения «Талды-Булак Левобережный»; причиной послужили сообщения о стычке между китайскими и кыргызскими рабочими⁵⁴. В 2015 году произошла массовая драка между местными и китайскими рабочими на принадлежащем китайцам месторождении меди в Казахстане⁵⁵.

Аналогичные конфликты происходят и с другими иностранными компаниями, но больше всего достается именно китайским предприятиям. Одним из немаловажных источников напряженности является склонность китайских компаний нанимать китайских, а не местных рабочих. Китайские рабочие часто подвергаются нападениям, и многие китайские компании советуют своим сотрудникам держаться подальше от местного населения, среди которого они работают⁵⁶. Это усугубляет недоверие между сторонами и укрепляет людей во мнении, что деятельность и мотивы Китая в Центральной Азии непрозрачны и направлены только на собственную выгоду. Поэтому сейчас наметилась тенденция к найму местных работников⁵⁷. Предлагаемые позиции не всегда подразумевают квалифицированный и высокооплачиваемый труд, но по мере того как все больше граждан центральноазиатских стран учатся в Китае и учат китайский язык, не китайцам открывается все больше возможностей занять руководящую должность.

Сельскохозяйственные земли — дефицит в Центральной Азии, поэтому их распределение тоже может приводить к конфликтам. В частности, националисты боятся продажи земли китайским инвесторам. В 2010 году оппозиционеры устроили в Алматы акцию протеста против планов сдачи земли в аренду китайским инвесторам⁵⁸. После того как были приняты поправки к законодательству, позволяющие сдавать землю в аренду на 25 лет, в апреле 2016 года массовые протесты прошли в казахстанских городах

⁵³ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч.; Арстан Аалыев, «Когда президенту становится стыдно», 24.kg, 14 сентября 2012 г.

⁵⁴ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч.; Дмитрий Денисенко, «Китайцев обвиняют в избиении рабочих-кыргызстанцев на Талды-Булаке Левобережном», Вечерний Бишкек, 22 октября 2012 г.

⁵⁵ Асель Сатубалдина, Татьяна Кузьмина, Асемгуль Касенова, “145-men fight between Chinese and Kazakh miners in Kazakhstan, 65 injured” [«В драке между китайскими и казахскими рабочими участвовали 145 человек, 65 получили ранения»], TengriNews, 10 июля 2015 г.

⁵⁶ Рафаэлло Пантуччи, “Sinophobia: A potential knot in the Silk Road”, цит. соч.

⁵⁷ Дирк ван дер Клэй, “Chinese Companies Increasingly Employ Central Asians” [«Китайские компании все чаще нанимают жителей Центральной Азии»], China in Central Asia (chinaincentralasia.com), 27 декабря 2016 г. Так, на заводе «Джунда» в Кара-Балте говорят, что будут стремиться к тому, чтобы 90% коллектива составляли местные жители. По состоянию на март 2016 года 586 из 873 сотрудников были гражданами Кыргызстана; однако руководство жалуется, что найти подготовленных местных специалистов непросто. «Завод „Джунда“ — три года успешной работы!», Knews, 7 июля 2016 г.

⁵⁸ Райхан Демитрие, “Kazakhs protest against China farmland lease” [«Казахи протестуют против сдачи сельхозземель в аренду Китаю»], Би-би-си, 30 января 2010 г.

Атырау, Актобе и Семей⁵⁹. Хотя главной темой выступлений была земельная реформа, люди выражали и другое недовольство, в том числе опасения по поводу наплыва китайских мигрантов и недоверие к китайским компаниям, особенно в связи с их подходом к найму персонала и отношением к окружающей среде⁶⁰. Митинги привели к отставке министра сельского хозяйства, а президент Назарбаев отложил вступление нового закона в силу. Тем не менее в мае 2016 года казахстанские должностные лица объявили о планах заключить с китайскими инвесторами агропромышленные контракты на сумму до 2 млрд долларов⁶¹.

Китайские политики привыкли иметь дело с узким кругом правящей элиты и сбрасывать со счетов общественное мнение. Как сформулировал один ученый, «большая часть населения Центральной Азии, которая отрицательно относится к Китаю, не имеет никакой власти, зато те, у кого она есть, хотят работать с Китаем»⁶². Однако, как показывает опыт некоторых китайских предприятий в Шри Ланке и Мьянме, такое мышление может обернуться растущим недовольством и привести к отмене проектов или задержкам в их реализации⁶³.

2. Коррупция и государственное управление

Как и следовало ожидать, ни ЭПШП, ни ЕАЭС не предусматривают никаких мер защиты от коррупции и не ставят перед собой цель обеспечивать верховенство права и улучшать государственное управление. Несмотря на то что Китай подчеркивает, что следует международным стандартам в области государственного управления при кредитовании через такие институты, как

⁵⁹ «Протесты в Казахстане откладываются. Надолго ли?», блог Кризисной группы, 12 мая 2016 г.

⁶⁰ Ричард Гиаси, Цзя Чжоу, “The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU–China cooperation prospects” [«„Экономический пояс Шелкового пути“: последствия в сфере безопасности и перспективы сотрудничества между ЕС и Китаем»], SIPRI, 2017 г.; Александр Кули, “The Emerging Political Economy of OBOR” [«Новая политэкономия ОПОП»], Центр стратегических и международных исследований, октябрь 2016 г. Китайский ученый Ли Лифань ссылается на опросы, показывающие, что 40% жителей Центральной Азии убеждены в отрицательных экономических и экологических последствиях китайских инвестиций. “The Challenges Facing Russian-Chinese Efforts to ‘Dock’ the Eurasian Economic Union (EEU) and One Belt, One Road (OBOR)” [«Проблемы, с которыми сталкиваются Россия и Китай в попытках состыковать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и „Один путь — один пояс“ (ОПОП)»], Russian Analytical Digest, № 183, 3 мая 2016 г.

⁶¹ “China plans to invest \$1.9 bln in Kazakh agriculture” [«Китай планирует вложить 1,9 млрд долларов в сельское хозяйство Казахстана»], Financial Times, 16 мая 2016 г.

⁶² Интервью Кризисной группы с китайским ученым, Пекин, март 2017 г.

⁶³ Доклады Кризисной группы № 231, “Myanmar: The Politics of Economic Reform” [«Мьянма: политика экономических реформ»], 27 июля 2012 г.; № 214, “Myanmar: A New Peace Initiative” [«Мьянма: новая мирная инициатива»], 30 ноября 2011 г.; № 272, “Sri Lanka Between Elections” [«Шри-Ланка между выборами»], 12 августа 2015 г. “China asks Sri Lanka to protect interests of investors over suspended port project” [«Китай просит власти Шри-Ланки защитить интересы инвесторов в связи с приостановкой строительства порта»], Синьхуа, 8 марта 2015 г.; “Sri Lanka intensifies scrutiny of Chinese projects” [«В Шри-Ланке внимательнее следят за китайскими проектами»], Reuters, 3 апреля 2015 г.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), на практике в связи с китайскими инвестициями в Центральной Азии часто звучат обвинения в коррупции на высшем уровне, в том числе обвинения во взятках высокопоставленным должностным лицам⁶⁴. Китайские инвесторы часто вкладывают деньги в такие подверженные коррупции отрасли, как горнодобывающая промышленность, где государственные лицензии выдаются по блату, а потом перепродаются тем, кто даст за них больше. По сообщениям, в сентябре 2016 года руководителя казахстанского Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» задержали по подозрению в получении взятки в размере миллиона долларов⁶⁵. Глава Китайской торговой палаты в Кыргызстане признал, что «некоторые китайские инвесторы тоже занимаются этими грязными делами»⁶⁶. Кроме того, китайским компаниям, как и другим инвесторам, бывает сложно разобраться в том, как работает запутанная, коррумпированная бюрократическая система⁶⁷.

Часть проблемы заключается в непрозрачности многих сделок, когда компанию выбирают без тендера. Китайский «Эксимбанк» и Банк развития Китая часто выделяют правительствам на льготных условиях кредиты, которые идут на оплату услуг китайских подрядчиков, осуществляющих инфраструктурные проекты. Так, из выделенного в 2013 году кыргызскому правительству кредита в размере 385 млн долларов оплачивались работы компании Tebian Electricity Apparatus (ТВЕА) по реконструкции электростанции в Бишкеке. Когда депутаты узнали, что выбор подрядчика определял китайский «Эксимбанк», это вызвало споры в кыргызском парламенте. Генеральный директор «Электрических станций» Салайдин Авазов отметил: «Если бы у нас были деньги на реконструкцию, мы бы провели тендер. А так как денег нет, согласились на условия „Эксимбанка“»⁶⁸. Китай и центральноазиатские правительства настаивают, что ввиду отсутствия проверенной информации о различных компаниях заключение контрактов без тендера более эффективно; но вместе с тем такая практика открывает поле для недобросовестного управления и коррупции⁶⁹.

⁶⁴ Доклад Кризисной группы “China’s Central Asia Problem”, цит. соч. Последняя антикоррупционная чистка в Китае затронула Китайскую национальную нефтегазовую корпорацию (CNPC), в том числе ее представителей в Казахстане. “Special Report: Inside Xi Jinping’s purge of China’s oil mandarins” [«Специальный репортаж: Си Цзиньпин проводит чистку среди руководства китайской нефтяной компании»], Reuters, 25 июля 2014 г. В 2016 году тогдашний премьер-министр Кыргызстана Темир Сариев подал в отставку на фоне обвинений в коррупционных отношениях с китайской дорожно-строительной компанией. Рафаэлло Пантуччи, “China’s place in Central Asia”, [«Место Китая в Центральной Азии»], chinaincentalasia.com, 1 июля 2016 г.

⁶⁵ «Казахстан: глава зоны свободной торговли задержан по делу о миллионной взятке», Центр по исследованию коррупции и организованной преступности, 9 сентября 2016 г.

⁶⁶ Ли Дэмин, “Kyrgyzstan still a mine field for investors” [«Кыргызстан остается минным полем для инвесторов»], Global Times, 28 октября 2012 г.

⁶⁷ Интервью Кризисной группы с западным дипломатом, Астана, июнь 2016 г.

⁶⁸ Юлия Костенко, «Модернизация ТЭЦ Бишкека: ошибка вышла», 24.kg, 23 января 2014 г.

⁶⁹ Нажия Бадькова, “The Chinese One Belt One Road Initiative Could be Doomed without Market Reforms” [«Без рыночных реформ китайская инициатива „Один пояс — один путь“

Низкое качество государственного управления и коррупция также порождают пренебрежение охраной окружающей среды, а между тем экологическая повестка может быть подхвачена активистами для организации протестов. В 2012 году в Араванском районе Кыргызстана местные жители устроили митинг, протестуя против потенциального экологического вреда от китайского цементного завода⁷⁰. Китайскому нефтеперерабатывающему заводу в Кара-Балте, строительство которого обошлось в 300 млн долларов, пришлось приостановить работу после выступлений местных жителей против загрязнения окружающей среды⁷¹. По словам активистов из Кара-Балта, живущие рядом с НПЗ люди не могут открыть окна из-за сильного промышленного запаха и загрязнения. В 2015 году одна жительница сказала Кризисной группе: «У всех нас теперь проблемы со здоровьем из-за выбросов и загрязнения от НПЗ. Каждый месяц я вожу детей по врачам. На лечение уходят тысячи сомов в месяц, и никто нам не помогает»⁷². В 2016 году завод снова запустили, но аналогичные проблемы возникают по всему региону. Быстрый рост работающих на угле цементных производств в Таджикистане тоже вызывает тревогу в связи с загрязнением окружающей среды⁷³.

обречена»], *The Central Asia-Caucasus Analyst*, 27 июня 2017 г.; Сара Лейн, “China’s Silk Road in Central Asia: transformative or exploitative?” [«Китайский Шелковый путь в Центральной Азии: трансформация или эксплуатация?»], *Financial Times*, 27 апреля 2016 г.; Александр Кули, “Emerging Political Economy”, цит. соч.; Рыскелди Сатке, Николас де Педро, “China must avoid associating with corrupt nations in Belt and Road plan” [«При реализации плана „Пояс и путь“ Китаю надо избегать коррумпированных государств»], *South China Morning Post*, 14 мая 2017 г.

⁷⁰ «Более 50% рабочей силы Араванского цементного завода составляют местные жители, – ОСОО „Южный комбинат строительных материалов“, *Turmush – AKIpress*, 20 сентября 2012 г.

⁷¹ «Приостановка работы НПЗ в Кара-Балте связана с экологическими проблемами – минэкономики», *КирТАГ*, 18 февраля 2014 г.

⁷² Интервью Кризисной группы, Кара-Балт, Кыргызстан, февраль 2015 г.

⁷³ Дирк ван дер Клэй, “China shifts polluting cement to Tajikistan” [«Китай переводит грязные производства цемента в Таджикистан»], *chinadialogue.net*, 8 августа 2016 г.

III. Россия и Евразийский экономический союз

Несмотря на всю амбициозность ЭПШП и значительное финансирование, китайское политическое влияние в регионе уступает российскому. У Москвы сохраняются важные политические, экономические, личные и институциональные связи в Центральной Азии, и она старается поднять свое снижающееся экономическое влияние путем создания региональных институтов. Первые постсоветские попытки учредить региональные организации терпели неудачу вплоть до формирования в 2010 году Таможенного союза между Россией, Беларусью и Казахстаном, который затем перерос в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), включающий в себя двух центральноазиатских членов: Казахстан и Кыргызстан⁷⁴.

А. ЕАЭС и сотрудничество в Центральной Азии

У ЕАЭС было неудачное начало. «Евразийский союз хорош для России, но ничего не может предложить Казахстану», — отметил один предприниматель с северо-запада Казахстана⁷⁵. Его точка зрения подтверждается статистикой торговли. За первые девять месяцев 2016 года торговля Казахстана с государствами — членами ЕАЭС упала на 26,4% по сравнению с аналогичным периодом 2015 года⁷⁶. Множество проблем было вызвано экономическим кризисом в России и колебаниями курса валют. В 2014 году курс российского рубля по отношению к доллару США снизился в полтора раза. Таким образом цены на российские товары для казахских потребителей снизились, от чего пострадали местные производители. В ответ обе стороны ввели взаимные ограничения, пока не произошла девальвация казахского тенге.

Кыргызстан пострадал еще сильнее, потому что падение курса рубля негативно сказалось на денежных переводах от трудовых мигрантов и чрезмерно удорожило собственный экспорт страны. Кыргызским фермерам не удастся воспользоваться преимуществами открывшихся новых больших рынков: у них нет мощностей ни для сортировки продукции для крупных российских сетей супермаркетов, ни для ее транспортировки на рынок. Большая часть продукции сельского хозяйства не проходит внятной сертификации; почти нет лабораторий, которые могли бы выдавать необходимые сертификаты⁷⁷. Поэтому другие страны ввели в одностороннем порядке запреты на экспорт из Кыргызстана, в то время как более дешевый импорт из других стран в ЕАЭС поступает беспрепятственно⁷⁸. Лидер местного

⁷⁴ Доклад Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 240 «Евразийский экономический союз: власть, политика и торговля», 20 июля 2016 г.

⁷⁵ Интервью Кризисной группы, Уральск, май 2016 г.

⁷⁶ «Товарооборот Казахстана со странами ЕАЭС за 9 мес. упал на 26,4%», КирТАГ, 15 ноября 2016 г.

⁷⁷ «Правительство затягивает строительство спецлабораторий и центров сертификации сельхозпродуктов — депутат», КирТАГ, 29 сентября 2016 г.; «Две ветлаборатории в КР оборудуют на российские деньги. Дают 138 млн рублей», Zanoza, 16 ноября 2016 г.

⁷⁸ Замира Кожобаева, «ЕАЭС: Партнерство с препирательством», кыргызская служба Радио Свободная Европа / Радио Свобода, 18 ноября 2016 г.

бизнес-сообщества сказал: «В конце концов вся наша агропромышленная система умрет, и мы будем полностью зависимы от внешних поставщиков»⁷⁹.

В ЕАЭС нет эквивалентов структурных фондов ЕС, которые помогают сглаживать неравенство между государствами — членами ЕС. Действительно, ЕАЭС не задумывался как организация по развитию более бедных стран, и попытки разработать специальные инструменты для поддержки вступающих в союз, такие как Российско-Кыргызский фонд развития в размере 500 млн долларов, почти никак не влияют на ситуацию. Сначала фонд пытался найти проекты, удовлетворяющие его условиям кредитования, но в итоге профинансировал около 700 мелких проектов, в основном через кредиты местных банков⁸⁰. Кроме того, Россия вышла из нескольких важных двусторонних инфраструктурных проектов. Так, в 2012 году она пообещала вложить 2 млрд долларов в завершение Камбаратинской и Верхне-Нарынских ГЭС в Кыргызстане, но из-за внутреннего экономического кризиса и сложных переговоров прекратила участие в этих проектах⁸¹.

Самым популярным аспектом ЕАЭС считается улучшение трансграничного транзита. Казахский предприниматель вспоминает, что раньше импорт груза через границу занимал неделю: «Сначала стояли три дня на границе, потом еще три дня проходили таможеню»⁸². Другой рассказывает, что каждый раз давал взятку на 200 долларов, чтобы пересечь границу, а теперь не платит ничего⁸³. Предпринимательница с севера Казахстана считает «победой союза [ЕАЭС], что убрали таможеню — исчез целый барьер. А то были одни сплошные взятки»⁸⁴.

И все же поездки все еще сопряжены с трудностями, особенно на казахско-кыргызской границе. На главном пограничном переходе «Кордай» в 10 км от столицы Бишкека задержки и очереди по-прежнему в порядке вещей. По словам человека, который постоянно через него ездит, «ничего не поменялось на границе, а может, и хуже стало»⁸⁵. Есть подозрения, что задержки искусственно создаются таможенниками, чтобы вымогать взятки. Один водитель сказал: «Если платишь 1000–2000 тенге (3–6 долларов), тебя пропускают через границу без проблем. А если нет, то будут обыскивать машину, просвечивать вещи и тому подобное. Не заплатишь, задержат на час, а то и больше»⁸⁶.

Самые значительные улучшения для Кыргызстана коснулись трудовой миграции в Россию, к негативным аспектам которой, однако, относятся

⁷⁹ Анастасия Бенгард, «Рустам Жунушов: В КР бесконтрольно ввозят сельхозпродукцию», 24.kg, 19 октября 2016 г.

⁸⁰ Владимир Некрасов, выступление на круглом столе в Бишкеке, 24 мая 2016 г.; см. сайт Российско-Кыргызского фонда развития: www.rkdf.org.

⁸¹ Чолпон Орозобекова, “Kyrgyzstan’s Capacity to Meet its CASA-1000 Obligations Comes under Question” [«Способность Кыргызстана выполнить свои обязательства по проекту CASA-1000 вызывает сомнения»], Eurasia Daily Monitor, том 13, № 103, 27 мая 2016 г.

⁸² Интервью Кризисной группы с предпринимателем, Уральск, июнь 2016 г.

⁸³ Интервью Кризисной группы с владельцем магазина, Уральск, июнь 2016 г.

⁸⁴ Интервью Кризисной группы, северо-запад Казахстана, июнь 2016 г.

⁸⁵ Интервью Кризисной группы, Бишкек, май 2016 г.

⁸⁶ Интервью Кризисной группы, Бишкек, май 2016 г.

сохраняющиеся там антимигрантские настроения. Как граждане государства — члена ЕАЭС кыргызские мигранты в России больше не должны ежемесячно платить за разрешение на работу (трудоустройство) и сдавать сложный экзамен по языку, однако последнее правило далеко не всегда соблюдается. Кыргызские должностные лица продолжают отмечать, что российские работодатели не заключают нормальных трудовых договоров на бумаге и не оформляют мигрантов⁸⁷. В последние годы градус насилия над мигрантами в России снизился; тем не менее нападения на рабочих из Центральной Азии и их притеснение по-прежнему не редкость⁸⁸. Выходцы из Центральной Азии опасаются, что антимигрантские настроения могут снова окрепнуть после того, как стало известно о причастности этнического узбека из Кыргызстана к взрыву смертника в петербургском метро 3 апреля 2017 года⁸⁹.

Несмотря на то что многие представители власти и бизнеса в Казахстане и Кыргызстане разочарованы в членстве в ЕАЭС, оппоненты союза не представляют собой значимую политическую силу ни в одной, ни в другой стране⁹⁰. О «Казексите» речь не идет⁹¹. Политические и деловые элиты смирились с членством, надеясь, что либо ЕАЭС сосредоточится на экономической повестке, либо превратится в еще одну «виртуальную» организацию, которую можно спокойно игнорировать⁹². Опросы по-прежнему показывают широкую поддержку членства среди казахов и кыргызов: свыше 80% опрошенных в каждой из стран выступают за союз⁹³.

⁸⁷ Интервью Кризисной группы, Бишкек, май 2016 г.

⁸⁸ Как сообщила российская НПО «Сова», по имеющимся данным, в 2015 году было убито четыре иммигранта из Центральной Азии, ранено шестеро, тогда как в 2014 году, соответственно, 14 и 29. «Сова» полагает, что эти цифры занижены, потому что о многих нападениях не сообщается. См. «Движение ультраправых в ситуации давления. Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2015 году в России», Сова, 8 апреля 2015 г.

⁸⁹ «НАК назвал основой террористических групп в России трудовых мигрантов из СНГ», Интерфакс, 11 апреля 2017 г.

⁹⁰ Главным выразителем недовольства Евразийским экономическим союзом является группа в Фейсбуке «Кыргызстан против Таможенного союза». Ее члены говорят, что прекратили все активные попытки воспротивиться ЕАЭС. Интервью Кризисной группы, Бишкек, 25 мая 2016 г. «В Кыргызстане бросили клич о выводе страны из ЕАЭС», Деловая Евразия, 16 мая 2016 г.

⁹¹ Интервью Кризисной группы с депутатами «Жогорку Кенеша», Бишкек, 25 мая 2016 г.; с предпринимателями и должностными лицами, Бишкек, май 2016 г.

⁹² Интервью Кризисной группы, Астана, Москва, май 2016 г.

⁹³ Данные взяты из исследования Евразийского банка развития, который горячо поддерживает евразийскую интеграцию. Вообще результаты опросов могут сильно варьироваться. См. Евразийский банк развития, «Интеграционный барометр ЕАБР», 2015 г., с. 97.

В. Расширение Евразии?

ЕАЭС позиционируется как чисто экономический проект. На деле же Россия также рассматривает его как геополитический и идеологический, как платформу для восстановления Москвой статуса великой державы⁹⁴. Российские должностные лица и аналитики говорят о «Большой Евразии» — регионе от Восточной Европы до Восточной Азии, осью которого служит Москва⁹⁵. Заместитель министра иностранных дел Игорь Моргулов утверждает, что «Большая Евразия» поможет интеграции между ЕАЭС и ЭПШП, а также ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества и АСЕАН⁹⁶. В мае 2016 года первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов сравнил инициативу с возглавляемым США Транстихоокеанским партнерством и сказал: «Все пространство Евразии предназначено для возникновения всеобщей торговли и экономического партнерства. Партнерство, которое, прежде всего, возникает между ЕАЭС и Китаем, будет открыто и для других стран»⁹⁷.

В связи с этим Казахстану и Кыргызстану приходится изощряться в поддержании равновесия. С одной стороны, должностные лица в обеих столицах не хотят оказаться вовлеченными в сложную российскую геополитику. Обе страны в 2015 году отказались присоединиться к российским санкциям, направленным против импорта сельскохозяйственной продукции из Северной Америки и ЕС и турецкого импорта. Несмотря на конфликт России с Киевом, они поддерживают отношения с Украиной. С другой стороны, они видят преимущества проекта, способствующего евразийской интеграции.

В 1994 году президент Казахстана Назарбаев призвал к евразийской интеграции и опубликовал план формирования «Евразийского союза государств»⁹⁸, который мог бы сementировать российско-казахские отношения без ослабления казахской национальной идентичности. После протестов против сдачи в аренду земли и террористических актов на северо-западе Казахстана в мае–июне 2016 года, в которых власти Казахстана обвинили исламских экстремистов, российские националисты заговорили о возможности военного вторжения России на север Казахстана, где проживает довольно значительное этническое русское меньшинство⁹⁹. В то же время

⁹⁴ Доклад Кризисной группы «Евразийский экономический союз: власть, политика и торговля», цит. соч.

⁹⁵ Сергей Караганов, «С Востока на Запад, или Большая Евразия», Российская газета, 24 октября 2016 г.

⁹⁶ «Eurasian integration processes to be open for Western partners – diplomat» [«По словам дипломата, евразийская интеграция должна быть открыта для западных партнеров»], ТАСС, 31 мая 2016 г.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «Евразийский союз: новые рубежи, проблемы, перспективы», речь Нурсултана Назарбаева на сессии Академии социальных наук РФ, Москва, 16 февраля 1996 г.

⁹⁹ «Лимонову не терпится ввести войска в Казахстан», Росбалт, 8 июня 2016 г.; другие российские наблюдатели также предсказывали развитие «украинского сценария» в Казахстане; см., например: Арман Кудайбергенов, «Казахстану угрожает „судьба Украины“ — российский эксперт», 365info.kz, 23 мая 2016 г. «Александр Разуваев: Каких рисков нам ждать от наступающего августа?», Взгляд, 20 июля 2016 г.

привлекательность сепаратистских тенденций уменьшается благодаря членству Казахстана в ЕАЭС, которое снижает страх перед этническим русским меньшинством. Другими словами, концепция Евразии полезна Казахстану и с точки зрения отношений с Россией, и с точки зрения сглаживания внутренних межэтнических разногласий¹⁰⁰.

На самом деле сейчас концепция Большой Евразии в основном сводится к риторике. ЕАЭС не удается привлечь новых потенциальных членов. Лидеры Узбекистана и Туркменистана неуклонно выступают против и явно отдают предпочтение связям с Китаем. В 2015 году Китай стал главным торговым партнером Узбекистана, потеснив на этом месте Россию¹⁰¹. Когда Си Цзиньпин посетил Узбекистан в июне 2016 года, он стал первым лидером иностранного государства, выступившим в узбекском парламенте¹⁰². Но при этом в определенном смысле Узбекистан уже экономически интегрирован в зону ЕАЭС: не менее двух миллионов узбеков работают в России, хотя их число и снизилось из-за усложнения процесса миграции и снижения зарплат.

Туркменистан занимает еще более жесткую позицию в отношении региональной интеграции из-за официальной идеологии «нейтралитета», на практике являющегося политикой самоизоляции. Туркменистан присутствовал на первой встрече Шанхайской организации сотрудничества в 2007 году, но отказался присоединиться; отказался он и от возможности членства в ЕАЭС¹⁰³. В отличие от других стран Центральной Азии, из Туркменистана в Россию едет меньше трудовых мигрантов, а объемы торговли с государствами ЕАЭС невелики. Основной экспорт страны, нефть и газ, идет преимущественно в Китай. Российский «Газпром» был главным покупателем туркменского газа, но в начале 2016 года приостановил закупки. Кроме того, в 2016 году Туркменистан прекратил экспорт в Иран. В итоге сейчас он сильно зависит от Китая.

Вероятность присоединения Таджикистана к ЕАЭС несколько выше, однако притягательность Китая может перевесить. Денежные переводы из России резко сократились в 2015–2016 годах, но все еще остаются главным источником дохода для большинства населения¹⁰⁴. Народ поддерживает членство, потому что оно позволило бы улучшить правовое положение сотен

¹⁰⁰ Голам Мустафа, “The Concept of ‘Eurasia’: Kazakhstan’s Eurasian Policy and its Implications” [«Концепция „Евразии“: евразийская политика Казахстана и ее последствия»], *Journal of Eurasian Studies*, том 4, № 2 (2013 г.), с. 160–170.

¹⁰¹ “Uzbekistan: Russia loses top trader status to China” [«Узбекистан: Россия уступила место главного торгового партнера Китаю»], *EurasiaNet.org*, 27 апреля 2016 г.

¹⁰² «Си Цзиньпин выступил перед парламентом Узбекистана», *Uz24.uz*, 22 июня 2016 г. Рядовые жители Узбекистана не всегда разделяют подозрительность узбекской элиты в отношении ЕАЭС: согласно проведенному в 2014 году опросу общественного мнения, 68% узбеков поддерживали идею ЕАЭС. Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований, «Интеграционный барометр ЕАБР 2015. Аналитическое резюме», с. 7.

¹⁰³ Аннет Бор, “Turkmenistan: Power, Politics and Petro-Authoritarianism” [«Туркменистан: власть, политика и петрократический авторитаризм»], *Chatham House Research Paper*, март 2016 г., с. 65.

¹⁰⁴ «Таджикистан: замедляющийся рост, растущая неопределенность», полугодовой доклад об экономике Группы Всемирного банка, весна 2015 г.

тысяч таджикских трудовых мигрантов, находящихся на территории России. Экономисты, выступающие за интеграцию, рисуют оптимистические сценарии, предсказывая после вступления дополнительные 3,5% экономического роста в год в среднесрочной перспективе¹⁰⁵. Тем не менее, учитывая усугубляющуюся в России рецессию и высокую стоимость интеграции Таджикистана в экономический блок, скорейшее вступление Таджикистана становится все менее привлекательным для российских должностных лиц¹⁰⁶.

Снижение российской заинтересованности в скорейшем вступлении сопровождается двойственным отношением к нему в Душанбе. Вряд ли за этим последуют большие инвестиции в Таджикистан со стороны других членов ЕАЭС, тогда как Китай, Иран и страны Персидского залива уже участвуют в разных инвестиционных проектах¹⁰⁷. Несмотря на то что инвестиции в инфраструктуру далеко не всегда приносят пользу рядовым жителям страны, они зачастую представляют собой лакомый кусок для местных партнеров. Известно о наличии тесных связей с Китаем у компаний, близких к правительству, так что некоторые его члены могут быть больше заинтересованы в отношениях с ним¹⁰⁸.

И все же российские дипломаты уверены в привилегированном положении России в Центральной Азии. Им прекрасно известно об антикитайских настроениях в регионе, и они считают, что в долгосрочной перспективе они сыграют на руку Москве. Китай невозможно догнать по масштабам инвестиций, но Россия расценивает свои языковые, культурные и военные связи как защиту от чрезмерного проникновения Китая. Для Москвы важнейшим связующим звеном с регионом являются миллионы мигрантов из Центральной Азии, которые работают в России и ежегодно посылают денежные переводы домой. Несмотря на то что размеры переводов могут варьироваться, они помогают выживать бедным экономикам Центральной Азии, в частности Кыргызстану и Таджикистану¹⁰⁹.

¹⁰⁵ «Оценка экономического эффекта присоединения Республики Таджикистан к ТС и ЕЭП», Евразийский банк развития, апрель 2015 г.

¹⁰⁶ Интервью Кризисной группы, Москва, май 2016 г.

¹⁰⁷ Александр Шустов, «Таджикистан ориентируется на Азию», Независимая газета, 16 мая 2016 г.

¹⁰⁸ Интервью Кризисной группы, Москва, май 2016 г. Виктория Панфилова, «Таджикистан не спешит вступать в Евразийский экономический союз», Независимая газета, 26 августа 2016 г.

¹⁰⁹ В апреле 2016 года Федеральная миграционная служба РФ сообщила, что на территории России находится 588 811 мигрантов из Казахстана; 574 194 из Кыргызстана; 878 536 из Таджикистана; 1,75 млн из Узбекистана; 24 363 из Туркменистана. В 2015 году денежные переводы от кыргызских мигрантов достигли 1,7 млрд долларов и составили 25,7% ВВП страны. Переводы от таджикских мигрантов составили 1,2 млрд долларов, или 28,8% ВВП. См. «Количество трудовых мигрантов из Центральной Азии в России несколько сократилось», Фергана.ру, 7 апреля 2016 г.; «Remittance Data Inflows April 2017» [«Данные по притокам денежных переводов. Апрель 2017 г.»], Всемирный банк, апрель 2017 г.

IV. Сотрудничество и конкуренция

Китайские и российские региональные проекты в Центральной Азии преследуют разные цели. Цель ЭПШП — улучшить транспортное сообщение и обеспечить более свободную торговлю, чтобы поспособствовать китайскому экспорту и повысить доступность энергоресурсов. ЕАЭС — таможенный союз, который поднял пошлины на импорт из стран, не входящих в ЕАЭС. Он стремится к упрочению и легитимизации российского влияния, в том числе за счет установления связей с другими блоками, в частности с ЕС. Как бы то ни было, геополитическая реальность подталкивает обе стороны к сотрудничеству. России нужны хорошие отношения с Китаем, чтобы уравновесить свои проблемы с Западом. Китай признает историческую роль России в регионе и ее значение для его безопасности. Оба государства возражают против увеличения западного, особенно американского, влияния в Евразии. Их мировоззрения и идеологии во многом совпадают, и у них похожие цели в борьбе с терроризмом и поддержании стабильности. Очевидно, две страны достаточно близки, чтобы преодолеть разногласия в представлениях о том, какой должна быть Центральная Азия.

Пока Россия остается ключевым игроком в сфере обеспечения безопасности в регионе. Она сохраняет значительное военное присутствие благодаря своим военным базам в Кыргызстане и Таджикистане. РФ также возглавляет Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Она расширяет военные связи с Узбекистаном и Туркменистаном, хотя обе страны выступают резко против договоров о размещении военных баз и членства в ОДКБ. Россия стремится не допустить падения режимов в центральноазиатских странах, особенно по прозападному сценарию «цветных революций»; пресечь перетекание исламистского радикализма из Афганистана в Центральную Азию и на юг России; остановить наркотрафик.

Китай разделяет эти цели и вместе с Москвой считает, что сильные режимы лучше приспособлены к тому, чтобы гасить потенциальные внутренние конфликты. Когда власти подавляли протесты и восстания, Пекин и Москва поддерживали правительства в их силовых ответах. Так было в случае с Андижаном (Узбекистан) в 2005 году, с Жанаозеном (Казахстан) в 2011 году, с Горно-Бадахшанской автономной областью (Таджикистан) в 2012 году. Китай и Россия вместе со всеми центральноазиатскими государствами, кроме Туркменистана, участвуют в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — организации, призванной обеспечивать безопасность и бороться с тем, что Китай называет «три зла»: терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм. Однако функциональные возможности ШОС ограничены.

Китайские аналитики признают, что ЭПШП может привести к новым протестам и увеличению потенциальных китайских объектов террористических атак, по мере того как будут расти торговля, инвестиции и транзитная перевозка грузов, а вместе с ними присутствие и заметность китайских граждан и проектов. Китайские компании, скорее всего, будут чаще привлекать китайские и иностранные частные охранные предприятия с невооруженными сотрудниками для охраны своей повседневной деятельности

в Центральной Азии и полагаться на местные правительства и российские силовые структуры для отражения более серьезных угроз. Однако с разрастанием интересов Пекина в Центральной Азии, по-видимому, увеличится и вовлеченность его в вопросы безопасности.

А. ЭПШП и ЕАЭС

В мае 2015 года президент Владимир Путин и председатель КНР Си Цзиньпин встретились в Москве и подписали совместную декларацию о согласовании ЭПШП и ЕАЭС с целью сформировать общее пространство в Евразии¹¹⁰. В декабре 2015 года после переговоров в Пекине премьер-министр Дмитрий Медведев объявил, что в первоначальной договоренности «зафиксировано намерение сторон продолжить поиск точек сопряжения региональных экономических интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и „Экономического пояса Шелкового пути“»¹¹¹.

В феврале следующего года рабочая группа официальных представителей Китая и ЕАЭС договорилась разработать «дорожную карту» сотрудничества¹¹². Во время визита в Бишкек министр иностранных дел Ван И сказал, что видит в ШОС «платформу для ускорения стыковки „Экономического пояса Шелкового пути“ с создаваемым Евразийским экономическим союзом»¹¹³. В июле 2017 года во время визита в Россию председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что его правительство обсуждает соглашение об экономическом сотрудничестве и список совместных с ЕАЭС проектов¹¹⁴. В ходе визита появились первые признаки конкретных договоренностей: так, Российский фонд прямых инвестиций объявил о партнерстве с Банком развития Китая по созданию нового фонда сотрудничества в размере 10 млрд долларов для

¹¹⁰ «РФ и Китай договорились о „стыковке“ проектов ЕАЭС и „Шелковый путь“», ТАСС, 8 мая 2015 г. “China, Russia agree to integrate Belt initiative with EAEU construction” [«Китай и Россия договорились об интеграции инициативы „Пояса“ в создание ЕАЭС»], Синьхуа, 8 мая 2015 г.; Ли Синь, «Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства», доклад дискуссионного клуба «Валдай», ноябрь 2016 г.

¹¹¹ “Russian foreign ministry notes further ‘negative trends’ in world in 2015” [«Российский МИД отметил новые „негативные тенденции“ в мире в 2015 году»], мониторинг стран бывшего СССР Би-би-си, 30 декабря 2015 г. Медведев и премьер Китая Ли Кэцян подтвердили готовность к сотрудничеству между инициативой «Пояс и путь» и ЕАЭС в важнейших областях, включая транспорт, трансграничную инфраструктуру и логистику. Совместное коммюнике по итогам 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая, 7 ноября 2016 г.

¹¹² Александра Баязитова, «Дмитрий Панкин: „Объем рублевых платежей в ЕАЭС достиг 70%“», Известия, 19 февраля 2016 г.

¹¹³ “Wang Yi Talks about China’s ‘Four Support’ to Central Asian Countries” [«Ван И перечислил четыре вида поддержки, которую Китай готов оказывать центральноазиатским странам»], посольство Китайской Народной Республики в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, 22 мая 2016 г. Годом позже министр иностранных дел Ван И сказал, что Россия и Китай готовятся изучить осуществимость создания Евразийского экономического партнерства. “Chinese FM says China-Russia ties set to grow stronger regardless of changing global dynamics” [«Глава китайского МИДа заявил об укреплении китайско-российских связей вопреки общемировой динамике»], Синьхуа, 26 мая 2017 г.

¹¹⁴ «Си Цзиньпин дал интервью ведущим российским СМИ», Синьхуа, 3 июля 2017 г.

международных проектов, а Банк развития Китая, по сообщениям, выдал российскому государственному банку развития ВЭБ кредит на сумму 850 млн долларов для фонда инноваций¹¹⁵.

Эти медленные дипломатические шаги отражают процесс, в ходе которого российские стратеги в итоге пришли к выводу, что Россия больше заинтересована в том, чтобы формировать инициативу Китая, а не сопротивляться ей¹¹⁶. Как бы то ни было, у России все еще есть сомнения. Дальнейшего развития почти не происходит, и сейчас складывается впечатление, что два проекта, скорее всего, будут работать в основном параллельно: ЭПШП будет ставить на первое место двустороннюю торговлю, инвестиции и инфраструктуру, а ЕАЭС — внутреннее сотрудничество между членами. Отдельные проекты могут получить статус совместных инициатив¹¹⁷.

ЭПШП дополнительно легитимизирует ЕАЭС, обеспечивая ему признание со стороны крупной державы. На заре конфликта по поводу Украины и последовавших за ним западных санкций китайская инициатива также служила России альтернативной экономической и политической опорой в попытках развернуться на Восток, ограничить американское и европейское влияние в своем тылу и обеспечить развитие, социальную стабильность и безопасность режимов в Центральной Азии¹¹⁸. «[Г]лавная цель России — сделать ЭПШП инструментом укрепления и совершенствования ЕАЭС, не допустить их конкуренции, а в дальнейшем — положить ресурсы ЭПШП в основу формирования экономико-политического Сообщества Большой Евразии», — отметил Тимофей Бордачев из московского Национального исследовательского университета¹¹⁹.

¹¹⁵ “Russia, China form \$10bn investment fund” [«Россия и Китай создали инвестиционный фонд в размере 10 млрд долларов»], *Financial Times*, 4 июля 2017 г.

¹¹⁶ В марте 2015 года председатель КНР Си Цзиньпин направил члена политбюро и заведующего Канцелией ЦК КПК Ли Чжаньшу в Москву, чтобы готовить почву для соглашения. См. Кристофер К. Джонсон, “President Xi Jinping’s ‘Belt and Road’ Initiative” [«Инициатива председателя КНР Си Цзиньпина „Пояс и путь“»], Центр стратегических и международных исследований, 28 марта 2016 г. Однако проработкой итогов визита Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 года, насколько известно, занимался уже китайский департамент российского МИДа, который не взаимодействовал с департаментом ЕАЭС. Из-за этого было потеряно много месяцев, пока, наконец, эксперты не поставили в известность Кремль. Лишь позже на саммите ЕАЭС в Астане лидеры поручили Евразийской экономической комиссии координировать с Пекином коммуникации касательно ЭПШП: см. Матье Дюшатель, Франсуа Годеман и др., “Eurasian integration: Caught between Russia and China” [«Евразийская интеграция: между Россией и Китаем»], Европейский совет по международным отношениям, 7 июня 2016 г.

¹¹⁷ Интервью Кризисной группы с китайскими учеными, Пекин и Шанхай, март–апрель 2017 г. Помимо геополитических соображений, улучшение транспортных маршрутов через Центральную Азию сократит долю России в транзите китайских грузов в Европу.

¹¹⁸ Ричард Гиаси, Цзяи Чжоу, “The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU–China cooperation prospects” [«„Экономический пояс Шелкового пути“: последствия в сфере безопасности и перспективы сотрудничества между ЕС и Китаем»], SIPRI, 2017 г.; Александр Кули, “The Emerging Political Economy”, цит. соч.

¹¹⁹ Цитата по: Ли Синь, «Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства», доклад дискуссионного клуба «Валдай», ноябрь 2016 г.

У сотрудничества есть свои ограничения. Несмотря на официальную положительную оценку отношений с Китаем, в частных беседах российские эксперты предостерегают, что центральноазиатские государства ждут трудности в отношениях с Китаем¹²⁰. Китай предпочитает заключать двусторонние договоры, а не иметь дело с ЕАЭС. Попытки российских должностных лиц убедить членов ЕАЭС координировать свое участие в ЭПШП ни к чему не привели¹²¹. Что еще более существенно, Китай стремится к уменьшению торговых барьеров вдоль ЭПШП, тогда как ЕАЭС создает таможенный союз с относительно высокими тарифами и проводит антидемпинговые расследования в отношении китайской продукции.

В долгосрочной перспективе Китай хочет создать зону свободной торговли между Китаем и Центральной Азией, а Россия выступает против всех попыток Китая продвигать такую зону среди членов ШОС. Россия боится, что Китай будет экономически доминировать в блоке, а приток дешевых китайских товаров убьет всякую надежду на развитие национальной промышленности за счет политики торговых ограничений, в частности импортозамещения¹²². Узбекистан также сильно возражает против зоны свободной торговли во главе с Китаем. Кыргызские предприниматели, напротив, приветствуют идею, заявляя, что зона свободной торговли ШОС идеально дополнила бы ЕАЭС¹²³.

Китайские аналитики считают, что главная цель ЕАЭС — помочь России вернуть себе статус великой державы и институционализировать ее региональную сферу влияния. Это, на их взгляд, может пойти на пользу ЭПШП постольку, поскольку позволит скоординировать политику и обеспечить мир и стабильность. Тем не менее китайские ученые настроены скептически по поводу долгосрочных перспектив ЕАЭС, так как эта оборонительная по своему характеру, обращенная внутрь структура усугубит геополитическое соперничество России с Западом. Они отмечают отсутствие у союза экономического базиса и общего рынка, вероятность возникновения территориальных споров между членами, противоречия между обязательствами в рамках союза и естественной тенденцией центральноазиатских стран балансировать между Пекином и Москвой. По их

¹²⁰ Интервью Кризисной группы, Бишкек, март 2016 г.; Москва, май 2016 г.

¹²¹ Александра Баязитова, «Дмитрий Панкин: „Объем рублевых платежей в ЕАЭС достиг 70%“», Известия, цит. соч.

¹²² Китай экспортирует в Россию и Центральную Азию в основном готовую продукцию, а импортирует преимущественно энергоносители, металлы и сырье. Себастьян Пейруз, “Central Asia’s tortured Chinese love affair” [«Мучительный роман Центральной Азии с Китаем»], East Asia Forum, 30 ноября 2016 г.; «Преобразование евразийского пространства: общие перспективы в представлении аналитических центров Китая, России и Казахстана», доклад дискуссионного клуба «Валдай», июль 2017 г.; “China Suggests Free Trade Zone for the SCO” [«Китай предлагает ШОС зону свободной торговли»], The Diplomat, 4 ноября 2016 г.; Джеффри Шуберт, Дмитрий Савкин, “Dubious Economic Partnership: Why a China-Russia Free Trade Agreement is Hard to Reach” [«Странное экономическое партнерство: почему соглашение о свободной торговле между Россией и Китаем труднодостижимо»], China Quarterly of International Strategic Studies, том 2, № 4, с. 529–547, зима 2016 г.

¹²³ Интервью Кризисной группы с экспертом в области торговли, Бишкек, Кыргызстан, 16 марта 2016 г.

оценкам, России придется идти на дальнейшие уступки, чтобы удовлетворить расходящиеся, центробежные интересы других членов, и в условиях нереструктурированности ее собственной экономики бремя будет становиться все тяжелее.

В противоположность этому Пояс задумывается как открытая сеть двусторонних соглашений с ясно обозначенными экономическими выгодами и преимущественно негласными политическими ожиданиями (например, поддержка политики единого Китая и прочих китайских интересов). Как сказал один китайский ученый, «ЕАЭС не остановит силу рынка. Все потечет туда, где самый большой рынок»¹²⁴.

В. Роль Запада?

ЕС и США обладают большим влиянием в Центральной Азии, но набирающий вес Китай и энергично возвращающаяся в регион Россия все сильнее теснят их. В рамках разработанной в 2007 году Стратегии ЕС в Центральной Азии была предпринята попытка решить множество вопросов ограниченными средствами: с 2007 по 2013 год было выделено всего 750 млн долларов; в 2014–2020 годах планируется нарастить сумму до 1 млрд долларов. Провал в 1990-е годы транспортного коридора «Европа–Кавказ–Азия» (ТРАСЕКА) привел к тому, что ЕС перестал поддерживать крупные инфраструктурные и транспортные проекты в регионе. Большая часть финансирования в текущем цикле перечисляется на образование и развитие сельских районов. Стратегия не имеет четких целей и политической поддержки, поэтому у нее мало ощутимых результатов¹²⁵.

У США есть собственный вариант «нового Шелкового пути», запущенный в 2011 году в Мумбаи тогдашним госсекретарем Хиллари Клинтон. Его задача — связать Центральную Азию торговлей и экспортными маршрутами с

¹²⁴ Интервью Кризисной группы с китайскими учеными, Пекин и Шанхай, март–апрель 2017 г.; Ван Вэйжань, Ван Цзинлянь, “The Prospects of the Eurasian Economic Union” [«Перспективы Евразийского экономического союза»], *Contemporary International Relations*, том 25, № 5, сентябрь–октябрь 2015 г., с. 91–104; Ван Хайбинь, “The Eurasian Economic Union and Its World Influence” [«Евразийский экономический союз и его влияние в мире»], *Contemporary International Relations*, том 25, № 5, сентябрь–октябрь 2015 г., с. 105–121; Ли Лифань, “The Challenges Facing Russian–Chinese Efforts to ‘Dock’ the Eurasian Economic Union (EEU) and One Belt, One Road (OBOR)” [«Проблемы, с которыми сталкиваются Россия и Китай в попытках состыковать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и „Один путь — один пояс“ (ОПОП)»], *Russian Analytical Digest*, № 183, 3 мая 2016 г.; Ли Цзыго, “Eurasian Economic Union: Achievements, Problems and Prospects” [«Евразийский экономический союз: достижения, проблемы и перспективы»], *China International Studies*, май–июнь 2016 г.; Александр Кули, “Emerging Political Economy”, цит. соч.; Том Миллер, *China’s Asian Dream*, цит. соч.

¹²⁵ *Implementation and Review of the European Union Central Asia Strategy: Recommendations for EU action* [«Внедрение и пересмотр Стратегии Европейского союза в Центральной Азии: рекомендации по действиям ЕС»], Европейский парламент, Генеральный директорат по внешней политике, 2016 г.

Афганистаном и Южной Азией¹²⁶. Новый формат С5+1, появившийся в 2015 году, включает в себя регулярные встречи между пятью центральноазиатскими странами и США. США продолжают оказывать политическую поддержку двум крупным инфраструктурным проектам: газопроводу «Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия» (ТАПИ), по которому газ пойдет на экспорт из Туркменистана в Южную Азию, и электроэнергетическому экспортному проекту CASA-1000, затрагивающему Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан. Оба проекта сталкиваются с политическими и коммерческими трудностями, а также с проблемами в области безопасности, которые могут помешать их реализации.

Более существенное влияние оказывают три крупнейших международных банка развития: Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Азиатский банк развития (АБР). Все они выражают готовность сотрудничать с китайской программой ЭПШП. В январе 2016 года Китай вошел в состав акционеров ЕБРР¹²⁷. В июне 2016 года Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и ЕБРР договорились о своем первом совместном проекте — строительстве дороги в Душанбе стоимостью 55 млн долларов; эта дорога представляет собой часть более крупного проекта по улучшению связей с Узбекистаном, которому долго мешали плохие отношения между двумя странами¹²⁸. АБР и АБИИ также пообещали сотрудничать по Шелковому пути, и первый совместный проект был согласован в 2016 году в Пакистане¹²⁹. Всемирный банк тоже занимается совместными проектами с АБИИ, в том числе в Центральной Азии¹³⁰. Всемирный банк, ЕБРР и АБИИ вместе финансируют проект строительства дороги в Алматы (Казахстан)¹³¹.

АБИИ концентрирует усилия на совместных проектах инициативы «Пояс и путь» в целом и работает с солидными многосторонними кредитными организациями, чтобы расширить свой опыт участия в сложных проектах и упрочить легитимность¹³². В связи с этими совместными проектами и вообще сотрудничеством в регионе возникают более широкие вопросы. Несмотря на то что ЕБРР обещает «обсуждать стандарты государственного управления, социальные и экологические стандарты»¹³³, многосторонним кредитным

¹²⁶ “US revives two key infrastructure projects in Asia: Five things to know” [«США оживили два ключевых инфраструктурных проекта в Азии: пять фактов»], *The Indian Express*, 24 мая 2017 г.

¹²⁷ Энтони Уильямс, “China becomes EBRD member as Suma Chakrabarti visits Beijing” [«Во время визита Сумы Чакрабарти в Пекин Китай стал членом ЕБРР»], ЕБРР, 15 января 2016 г.

¹²⁸ Свитлана Пырало, «Дорога в Таджикистане — первый совместный проект ЕБРР и АБИИ», ЕБРР, 24 июня 2016 г.

¹²⁹ “ADB, AIB Sign MOU to Strengthen Cooperation for Sustainable Growth” [«АБР и АБИИ подписали меморандум о взаимопонимании и укреплении сотрудничества в целях устойчивого роста»], новостное сообщение АБР, 2 мая 2016 г.

¹³⁰ Сэм Флеминг, “AIB and World Bank to work on joint projects” [«АБИИ и Всемирный банк будут работать над совместными проектами»], *Financial Times*, 13 апреля 2016 г.

¹³¹ Том Митчелл, Джек Фарчи, “China’s AIB seeks to pave new Silk Road with first projects” [«Первые проекты китайского АБИИ прокладывают новый Шелковый путь»], *Financial Times*, 19 апреля 2016 г.

¹³² Рафаэлло Пантуччи, “China’s Development Lenders”, цит. соч.

¹³³ Энтони Уильямс, “China becomes EBRD member”, цит. соч.

организациям и агентствам по развитию может быть трудно избежать искушения поступиться экологическими стандартами и стандартами государственного управления, когда на кон поставлено их участие в проектах. Механизмом, который усилил бы контроль и внимание к качеству управления, могло бы быть широкое привлечение гражданского общества и СМИ на стадии планирования и реализации проектов, но на это, скорее всего, не пойдет ни Китай, ни Россия.

V. Заключение

Китайский «Экономический пояс Шелкового пути» и российский Евразийский экономический союз окажут огромное влияние на будущее Центральной Азии. Оба проекта обладают значительным экономическим потенциалом, но вместе с тем имеют и обратную политическую сторону. В частности, Китаю и России не стоит обманываться и принимать нынешний политический статус-кво за стабильный инвестиционный климат. В долгосрочной перспективе они рискуют, когда игнорируют такие триггеры потенциальных конфликтов, как межэтническая напряженность, национализм, некомпетентность и коррумпированность органов власти.

Обе инициативы открывают возможности для торговли, инвестиций и улучшения сотрудничества в регионе, который во всем этом нуждается. Несмотря на то что двигателем ЭПШП являются национальные интересы Китая, Пояс потенциально способен восполнить дефицит инфраструктуры в Центральной Азии, улучшить транспортную сеть и подстегнуть экономический рост. Вместе с тем, как и ЕАЭС, по политическим мотивам он поощряет спешку при заключении договоров и меморандумов, за которыми не поспевает бюрократия, занимающаяся разработкой процедур и планированием. Некоторые проекты, возможно, так никогда и не будут реализованы; осуществление других может затянуться надолго. Кроме того, как бы должностные лица и руководители предприятий, занимающиеся реализацией Пояса, ни хотели сосредоточиться на торговле и инвестициях, им не удастся обойти стороной острые вопросы местной политики, влияния на безопасность и экологию, когда их присутствие в регионе усилится.

Очевидно, что Пекин и Москва исходят из того, что экономического развития вкупе с крепким силовым аппаратом хватит для решения социальных проблем. Однако если богатство будет поделено неравномерно, если с местными жителями не будут консультироваться по поводу касающихся их проектов, а реформы институтов и системы управления не будут поспевать за притоком инвестиций, и ЭПШП, и ЕАЭС могут породить экономически нежизнеспособные проекты, которые закрепят существующие рыночные искажения и практику получения административной ренты и одновременно с этим усугубят межэтнические, классовые и региональные различия, в то время как государственные репрессии будут маскировать социальную напряженность.

Центральноазиатские государства рискуют обрести долгами и превратиться в перевалочные пункты для китайской продукции, идущей в Европу, и энергоносителей, отправляемых на восток. Перед ними стоит задача извлечь максимальную пользу из ЕАЭС и ЭПШП, не сильно поступившись при этом своим суверенитетом, и использовать китайскую торговлю, инвестиции и грузоперевозки для развития местного бизнеса. Для этого требуется изменить предпринимательскую культуру среди населения Центральной Азии, привыкшего к добыче ресурсов и советской системе централизованного планирования.

ЕС и США не могут конкурировать с масштабами российского и китайского влияния в регионе. Вместо того чтобы создавать свой собственный «Шелковый

путь» или подобный ему план, им нужно сосредоточить усилия на реалистичных инициативах, которые можно встроить в существующие региональные проекты, и развивать двусторонние отношения с ключевыми центральноазиатскими республиками. Они способны играть важную роль как вспомогательные партнеры государств Центральной Азии, которые стремятся к разносторонней внешней политике. Тем не менее ради этого нельзя утрачивать критичность в отношении авторитарных режимов.

На фоне расширяющегося влияния Китая и России конкуренция в Центральной Азии в оптимальном варианте не должна сводиться к установлению зон влияния. Вместо этого, соревнование должно идти за то, кто сможет сделать больше для экономического роста, развития профессиональных навыков и инноваций, от которых выиграют все общества Центральной Азии и остальная Евразия.

Бишкек/Гонконг/Брюссель, 27 июля 2017 г.

Приложение А. Карта Центральной Азии

Приложение В. Страны ЕАЭС на карте

Приложение С: О Международной кризисной группе

The International Crisis Group (Crisis Group) is an independent, non-profit, non-governmental organisation, with some 120 staff members on five continents, working through field-based analysis and high-level advocacy to prevent and resolve deadly conflict.

Crisis Group's approach is grounded in field research. Teams of political analysts are located within or close by countries or regions at risk of outbreak, escalation or recurrence of violent conflict. Based on information and assessments from the field, it produces analytical reports containing practical recommendations targeted at key international, regional and national decision-takers. Crisis Group also publishes *CrisisWatch*, a monthly early warning bulletin, providing a succinct regular update on the state of play in up to 70 situations of conflict or potential conflict around the world.

Crisis Group's reports are distributed widely by email and made available simultaneously on its website, www.crisisgroup.org. Crisis Group works closely with governments and those who influence them, including the media, to highlight its crisis analyses and to generate support for its policy prescriptions.

The Crisis Group Board of Trustees – which includes prominent figures from the fields of politics, diplomacy, business and the media – is directly involved in helping to bring the reports and recommendations to the attention of senior policymakers around the world. Crisis Group is chaired by former UN Deputy Secretary-General and Administrator of the United Nations Development Programme (UNDP), Lord Mark Malloch-Brown. Its Vice Chair is Ayo Obe, a Legal Practitioner, Columnist and TV Presenter in Nigeria.

Crisis Group's President & CEO, Jean-Marie Guéhenno, served as the UN Under-Secretary-General for Peacekeeping Operations from 2000-2008, and in 2012, as Deputy Joint Special Envoy of the United Nations and the League of Arab States on Syria. He left his post as Deputy Joint Special Envoy to chair the commission that prepared the white paper on French defence and national security in 2013.

Crisis Group's international headquarters is in Brussels, and the organisation has offices in ten other locations: Bishkek, Bogota, Dakar, Kabul, Islamabad, Istanbul, Nairobi, London, New York, and Washington, DC. It has presences in the following locations: Abuja, Algiers, Bangkok, Beirut, Caracas, Gaza City, Guatemala City, Hong Kong, Jerusalem, Johannesburg, Juba, Mexico City, New Delhi, Rabat, Sanaa, Tblisi, Toronto, Tripoli, Tunis, and Yangon.

Crisis Group receives financial support from a wide range of governments, foundations, and private sources. Currently Crisis Group holds relationships with the following governmental departments and agencies: Australian Department of Foreign Affairs and Trade, Austrian Development Agency, Danish Ministry of Foreign Affairs, Dutch Ministry of Foreign Affairs, European Union Instrument contributing to Stability and Peace (IcSP), Finnish Ministry for Foreign Affairs, French Development Agency, French Ministry of Defence, French Ministry of Foreign Affairs, German Federal Foreign Office, Global Affairs Canada, Irish Aid, Principality of Liechtenstein, Luxembourg Ministry of Foreign Affairs, New Zealand Ministry of Foreign Affairs and Trade, Norwegian Ministry of Foreign Affairs, Swedish Ministry of Foreign Affairs, Swiss Federal Department of Foreign Affairs.

Crisis Group also holds relationships with the following foundations: Carnegie Corporation of New York, Henry Luce Foundation, Humanity United, John D. and Catherine T. MacArthur Foundation, Oak Foundation, Open Society Foundations, Ploughshares Fund, Robert Bosch Stiftung, and Wellspring Philanthropic Fund.

July 2017

Приложение D: Доклады и брифинги Кризисной группы по Европе и Центральной Азии с 2014 года

Special Reports

Exploiting Disorder: al-Qaeda and the Islamic State, Special Report N°1, 14 March 2016 (also available in Arabic and French).

Seizing the Moment: From Early Warning to Early Action, Special Report N°2, 22 June 2016.

Counter-terrorism Pitfalls: What the U.S. Fight against ISIS and al-Qaeda Should Avoid, Special Report N°3, 22 March 2017.

Ukraine

Ukraine: Running out of Time, Europe Report N°231, 14 May 2014.

Eastern Ukraine: A Dangerous Winter, Europe Report N°235, 18 December 2014.

The Ukraine Crisis: Risks of Renewed Military Conflict after Minsk II, Europe Briefing N°73, 1 April 2015.

Russia and the Separatists in Eastern Ukraine, Europe and Central Asia Briefing N°79, 5 February 2016.

Ukraine: The Line, Europe Briefing N°81, 18 July 2016.

Ukraine: Military Deadlock, Political Crisis, Europe Briefing N°85, 19 December 2016.

Central Asia

Water Pressures in Central Asia, Europe and Central Asia Report N°233, 11 September 2014.

Syria Calling: Radicalisation in Central Asia, Europe and Central Asia Briefing N°72, 20 January 2015 (also available in Russian).

Stress Tests for Kazakhstan, Europe and Central Asia Briefing N°74, 13 May 2015.

Kyrgyzstan: An Uncertain Trajectory, Europe and Central Asia Briefing N°76, 30 September 2015.

Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats, Europe and Central Asia Briefing N°78, 11 January 2016.

The Eurasian Economic Union: Power, Politics and Trade, Europe and Central Asia Report N°240, 20 July 2016 (also available in Russian).

Uzbekistan: In Transition, Europe and Central Asia Briefing N°82, 29 September 2016.

Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalisation, Europe and Central Asia Briefing N°83, 3 October 2016 (also available in Russian and Kyrgyz).

Uzbekistan: Reform or Repeat?, Europe and Central Asia Briefing N°84, 6 December 2016.

Uzbekistan: The Hundred Days, Europe and Central Asia Report N°242, 15 March 2017.

Balkans

Bosnia's Future, Europe Report N°232, 10 July 2014.

Macedonia: Defusing the Bombs, Europe Briefing N°75, 9 July 2015.

Caucasus

Too Far, Too Fast: Sochi, Tourism and Conflict in the Caucasus, Europe Report N°228, 30 January 2014 (also available in Russian).

Chechnya: The Inner Abroad, Europe Report N°236, 30 June 2015 (also available in Russian).

North Caucasus: The Challenges of Integration (IV): Economic and Social Imperatives, Europe Report N°237, 7 July 2015 (also available in Russian).

The North Caucasus Insurgency and Syria: An Exported Jihad?, Europe Report N°238, 16 March 2016 (also available in Russian).

Nagorno-Karabakh's Gathering War Clouds, Europe Report N°244, 1 June 2017.

Cyprus

Divided Cyprus: Coming to Terms on an Imperfect Reality, Europe Report N°229, 14 March 2014 (also available in Greek and Turkish).

Turkey

The Rising Costs of Turkey's Syrian Quagmire, Europe Report N°230, 30 April 2014.

Turkey and the PKK: Saving the Peace Process, Europe Report N°234, 6 November 2014 (also available in Turkish).

A Sisyphean Task? Resuming Turkey-PKK Peace Talks, Europe Briefing N°77, 17 December 2015 (also available in Turkish).

The Human Cost of the PKK Conflict in Turkey: The Case of Sur, Europe Briefing N°80, 17 March 2016 (also available in Turkish).

Turkey's Refugee Crisis: The Politics of Permanence, Europe Report N°241, 30 November 2016 (also available in Turkish).

Managing Turkey's PKK Conflict: The Case of Nusaybin, Europe Report N°243, 2 May 2017 (also available in Turkish).

Приложение Е: Правление Международной кризисной группы

CO-CHAIR

Lord (Mark) Malloch-Brown

Former UN Deputy Secretary-General and Administrator of the United Nations Development Programme (UNDP)

PRESIDENT & CEO

Jean-Marie Guéhenno

Former UN Under-Secretary-General for Peacekeeping Operations

VICE-CHAIR

Ayo Obe

Chair of the Board of the Gorée Institute (Senegal); Legal Practitioner (Nigeria)

OTHER TRUSTEES

Fola Adeola

Founder and Chairman, FATE Foundation

Ali al Shihabi

Author; Founder and former Chairman of Rasmala Investment bank

Celso Amorim

Former Minister of External Relations of Brazil; Former Defence Minister

Hushang Ansary

Chairman, Parman Capital Group LLC; Former Iranian Ambassador to the U.S. and Minister of Finance and Economic Affairs

Nahum Barnea

Political Columnist, Israel

Kim Beazley

Former Deputy Prime Minister of Australia and Ambassador to the U.S.; Former Defence Minister

Carl Bildt

Former Prime Minister and Foreign Minister of Sweden

Emma Bonino

Former Foreign Minister of Italy and European Commissioner for Humanitarian Aid

Lakhdar Brahimi

Member, The Elders; UN Diplomat; Former Minister of Algeria

Cheryl Carolus

Former South African High Commissioner to the UK and Secretary General of the African National Congress (ANC)

Maria Livanos Cattau

Former Secretary General of the International Chamber of Commerce

Wesley Clark

Former NATO Supreme Allied Commander

Sheila Coronel

Toni Stabile Professor of Practice in Investigative Journalism; Director, Toni Stabile Center for Investigative Journalism, Columbia University

Frank Giustra

President & CEO, Fiore Financial Corporation

Mo Ibrahim

Founder and Chair, Mo Ibrahim Foundation; Founder, Celtel International

Wolfgang Ischinger

Chairman, Munich Security Conference; Former German Deputy Foreign Minister and Ambassador to the UK and U.S.

Asma Jahangir

Former President of the Supreme Court Bar Association of Pakistan; Former UN Special Rapporteur on the Freedom of Religion or Belief

Yoriko Kawaguchi

Former Foreign Minister of Japan; Former Environment Minister

Wadah Khanfar

Co-Founder, Al Sharq Forum; Former Director General, Al Jazeera Network

Wim Kok

Former Prime Minister of the Netherlands

Andrey Kortunov

Director General of the Russian International Affairs Council

Ivan Krastev

Chairman of the Centre for Liberal Strategies (Sofia); Founding Board Member of European Council on Foreign Relations

Ricardo Lagos

Former President of Chile

Joanne Leedom-Ackerman

Former International Secretary of PEN International; Novelist and journalist, U.S.

Helge Lund

Former Chief Executive BG Group (UK) and Statoil (Norway)

Shivshankar Menon

Former Foreign Secretary of India; Former National Security Advisor

Naz Modirzadeh

Director of the Harvard Law School Program on International Law and Armed Conflict

Saad Mohseni

Chairman and Chief Executive Officer of MOBY Group

Marty Natalegawa

Former Minister of Foreign Affairs of Indonesia, Permanent Representative to the UN, and Ambassador to the UK

Roza Otunbayeva

Former President of the Kyrgyz Republic; Founder of the International Public Foundation "Roza Otunbayeva Initiative"

Thomas R. Pickering

Former U.S. Under Secretary of State and Ambassador to the UN, Russia, India, Israel, Jordan, El Salvador and Nigeria

Olympia Snowe

Former U.S. Senator and member of the House of Representatives

Javier Solana

President, ESADE Center for Global Economy and Geopolitics; Distinguished Fellow, The Brookings Institution

Alexander Soros

Global Board Member, Open Society Foundations

George Soros

Founder, Open Society Foundations and Chair, Soros Fund Management

Pär Stenbäck

Former Minister of Foreign Affairs and of Education, Finland; Chairman of the European Cultural Parliament

Jonas Gahr Støre

Leader of the Labour Party and Labour Party Parliamentary Group; Former Foreign Minister of Norway

Lawrence H. Summers

Former Director of the U.S. National Economic Council and Secretary of the U.S. Treasury; President Emeritus of Harvard University

Helle Thorning-Schmidt

CEO of Save the Children International; Former Prime Minister of Denmark

Wang Jisi

Member, Foreign Policy Advisory Committee of the Chinese Foreign Ministry; President, Institute of International and Strategic Studies, Peking University

PRESIDENT'S COUNCIL

A distinguished group of individual and corporate donors providing essential support and expertise to Crisis Group.

CORPORATE**BP**
Shearman & Sterling LLP
Statoil (U.K.) Ltd.
White & Case LLP**INDIVIDUAL****(5) Anonymous**
Scott Bessent
David Brown & Erika Franke
Stephen & Jennifer Dattels**Herman De Bode**
Alexander Soros
Ian R. Taylor

INTERNATIONAL ADVISORY COUNCIL

Individual and corporate supporters who play a key role in Crisis Group's efforts to prevent deadly conflict.

CORPORATE**(2) Anonymous**
APCO Worldwide Inc.
Atlas Copco AB
Chevron
Edelman UK
HSBC Holdings plc
MetLife
Noble Energy
RBC Capital Markets
Shell**INDIVIDUAL****(2) Anonymous**
Mark Bergman
Stanley Bergman & Edward Bergman
Elizabeth Bohart
Eric Christiansen
Sam Englehardt
The Edelman Family Foundation
Seth & Jane Ginns
Ronald Glickman
David Harding
Rita E. Hauser**Geoffrey R. Hoguet & Ana Luisa Ponti**
David Jannetti
Faisal Khan
Cleopatra Kittl
Michael & Jackie Lambert
Leslie Lishon
Virginie Maisonneuve
Dennis Miller
The Nommontu Foundation
Brian Paes-Braga
Kerry Propper
Duco Sickinghe
Nina K. Solarz
Enzo Viscusi

AMBASSADOR COUNCIL

Rising stars from diverse fields who contribute their talents and expertise to support Crisis Group's mission.

Amy Benziger
Tripp Callan
Kivanc Cubukcu
Matthew Devlin
Victoria Ergolavou
Noa Gafni
Christina Bache Fidan
Lynda Hammes
Jason Hesse
Dalí ten Hove**Lindsay Iversen**
Azim Jamal
Arohi Jain
Christopher Louney
Matthew Magenheimer
Madison Malloch-Brown
Megan McGill
Hamesh Mehta
Tara Opalinski
Perfecto Sanchez**Nidhi Sinha**
Chloe Squires
Leeanne Su
Bobbi Thomason
AJ Twombly
Dillon Twombly
Annie Verderosa
Zachary Watling
Grant Webster

SENIOR ADVISERS

Former Board Members who maintain an association with Crisis Group, and whose advice and support are called on (to the extent consistent with any other office they may be holding at the time).

Martti Ahtisaari
Chairman Emeritus
George Mitchell
Chairman Emeritus
Gareth Evans
President Emeritus
Kenneth Adelman
Adnan Abu-Odeh
HRH Prince Turki al-Faisal
Óscar Arias
Ersin Arioglu
Richard Armitage
Diego Arria
Zainab Bangura
Shlomo Ben-Ami
Christoph Bertram
Alan Blinken**Lakhdar Brahimi**
Kim Campbell
Jorge Castañeda
Naresh Chandra
Eugene Chien
Joaquim Alberto Chissano
Victor Chu
Mong Joon Chung
Pat Cox
Gianfranco Dell'Alba
Jacques Delors
Alain Destexhe
Mou-Shih Ding
Uffe Ellemann-Jensen
Gernot Eler
Marika Fahlén
Stanley Fischer**Carla Hills**
Swanee Hunt
Aleksander Kwasniewski
Todung Mulya Lubis
Allan J. MacEachen
Graça Machel
Jessica T. Mathews
Barbara McDougall
Matthew McHugh
Miklós Németh
Christine Ockrent
Timothy Ong
Olara Otunnu
Lord (Christopher) Patten
Victor Pinchuk
Surin Pitsuwan
Fidel V. Ramos